

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА  
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

# АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ



ГЛАЗОМЕР!  
БЫСТРОТА! НАТИСК!

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

9



Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

**Егеръ императрицы.  
Глазомер! Быстрота! Натиск!**

«Автор»

2022

**Булычев А.**

Егерь императрицы. Глазомер! Быстрота! Натиск! / А. Булычев —  
«Автор», 2022 — (Егерь Императрицы)

Десант турок на Кинбурнскую косу войсками генерал-аншефа Суворова уничтожен. Теперь самое время вести полки на Очаков и брать его решительным штурмом! Но приказа наступать нет, а неприятель усиливает оборону крепости. Особому батальону егерей, как и всей русской армии, предстоит сложнейшая задача взломать её и выбить неприятеля из Причерноморских степей.

© Булычев А., 2022

© Автор, 2022

## Содержание

Часть I. Очаков	5
Глава 1. В Николаевской	5
Глава 2. Десант	12
Глава 3. Конница атакует!	20
Глава 4. Разведка	30
Глава 5. Держаться!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Андрей Булычев**

## **Егерь императрицы.**

## **Глазомер! Быстрота! Натиск!**

### **Часть I. Очаков**

#### **Глава 1. В Николаевской**

– Очень все это рискованно, Алексей, – Гусев покачал с сомнением головой. – Год назад мы аж четыре алая из Очакова на себя вытянули, почти что сутки приличный плацдарм вот здесь, прямо напротив держали. А ведь турки действительно тогда поверили, что мы тут большое наступление начали, и аж на целых три недели высадку своего десанта под Кинбурн отложили. Неужто ты думаешь, что они обратно позволят нам такое и в этом же самом месте повторить? Чать, ведь ученые уже, хорошо нами битые. Вон сколько ретраншементов возле самого Буга за этот год нарыли!

– Все так, Сергей, все так, – проговорил Егоров, пристально разглядывая противоположный берег в свою трубу. – И земляные укрепления они там возвели, и народу в них нагнали, и даже полевые орудия выставили. А самое главное: уверены они сейчас в том, что именно здесь, вот в этом самом месте русские уже точно во второй раз к ним не пойдут! Это ведь какими дураками надобно быть, чтобы лезть повторно сюда, на такой вот укрепленный участок берега, когда для этого можно выбрать гораздо более спокойный и удобный. Нет, друг, действовать надобно так, как от тебя не ожидает противник, по-Суворовски, а значит, решительно, напористо и дерзко.

Вспомни наши давние десанты в ту войну под Гуробалами или Туртукаем. Как мы меньшими силами неприятеля там разгромили и в панику его ввели! Наш план мы не меняем, тем паче, что с генерал-аншефом он уже согласован: через три дня, в ночь на 24 мая, батальон выходит десантом на противоположный берег под деревней Покровкой. Сбивает неприятеля с Бугских приречных укреплений и сам же их занимает. Полк Касперова после того переправляется наплывом и уходит в прорыв наводить панику в тылу у турок. Его основная задача – перетянуть их внимание на северную сторону пограничной линии. А вот уже наша общая с казаками – это приковать внимание неприятеля к себе, отвлечь его от места основной переправы русских войск и притянуть к себе все имеющиеся у турок резервы.

На следующую после нашей высадки ночь дивизия Александра Васильевича начнет переправу ниже Николаевской в том самом месте, где в Первую кампанию стоял понтонный мост. Глубины там все давно уже промерены, а кое-где так даже и старые сваи еще видны. Думаю, что понтонерам большого труда не будет в этом месте быстро новый возвести. Сорок верст прямого пути будет от нас и до той переправы. Когда уже турки поймут, где основная наша высадка идет, то их пехоте целый день хода понадобится, чтобы от этой самой Покровки и на юг пройти. Ну а уж с их конницей да без поддержки пехоты Суворов сумеет даже и со своей неполной дивизией справиться. Османские орудия же и вовсе не успеют туда докатиться, ибо нет в их канонирах – топчу той выучки, что имеется у наших артиллеристов, хотя и натаскивали турок так активно все это время месье французы. Жалко, времени у нас на подготовку совсем мало. Учебная рота только лишь наполовину сформирована, а с переводом туда четырех офицеров с унтерами и капралами в строевых подразделениях теперь приличный некомплект командиров образовался. Ну да ладно, чего уж тут говорить, как-нибудь и с этим мы

справимся. Пойдем, Сергей, поглядим, как молодых на полигонах готовят, да потом в хозяйство Рогозина заглянем. Посмотрим, как он там к выходу со своими людьми подготовился.

– Третье, четвертое отделение – на огневой рубеж марш! Пятое и шестое, вон под этот шест встали, отрабатываете зарядку фузей! – скомандовал старший оружейник учебной роты. – Капралы за своими людьми глядят, и если что вдруг не так, то их поправляют. Семен, Катышев, ты давай-ка там сам напротив мишеней со стрелками работай, а я уж пока здесь буду, – приказал он своему помощнику.

Афанасий прошелся перед дюжиной выстроившихся в ряд молодых егерей. Каждый из них стоял по стойке смирно, ловя взглядом строгого унтера.

– Ну и чего так кучно сгуртовались-то? – проворчал он недовольно. – Ты вот, Серафим, как с ружжом собираешься работать, когда тебя с боков Фаддейка с Зиновием подпирают? Вона, погляди на ребяток с пятого капральства, как они там хорошо стоят, никакой помехи или неудобства другу дружке не чинят. А ну-ка быстро на шаг разошлись во все стороны! Вот так, – пробурчал он, распределив людей в шеренге. – Значится так, пока третье и четвертое отделения у нас стреляют по мишеням, будете у меня здесь показывать, как же вы в быстрой зарядке наострились. Еще раз повторяю: забудьте все, чему вас учили в рекрутской команде и потом еще в пехотном полку, что касася зарядки фузей. Совсем недавно аж на тридцать два шага предписывалось вам это делать, и хотя новым уставом это дело теперяча до двадцати двух сократили, такое нам все одно не подходит. Скорость боя пошереножного пехотного строя – это лишь один выстрел в минуту. Ежели мы с вами вот так вот и будем стрелять, то батальон даже до третьего боя у нас не доживет. А то, может, и в самом первом он весь там, на поле, поляжет. Запомните, братцы: егеря всегда на острие атаки пехоты идут или же в прикрытии ее отхода. Между ними и неприятелем лишь их точный выстрел да замах османской сабли. Замедлитесь или же неточно своей пулей во вражину ударите, сверкнет та сабелка над головой у турецкого всадника, раз, и вас уже нет в живых. Так что быстрота, сноровка и точность – вот что сейчас есть сама ваша жизнь. Боевых патронов, надеюсь, ни у кого с собой нет? Никто вдруг не снарядил их по своей дури? Ну вот и правильно, рано вам еще с собой в патронташах боевые припасы таскать. И все равно положенная команда для всех сейчас одна – кру-угом!

Строй молодых солдат развернулся в противоположную от огневого рубежа сторону, и после осмотра оружия все они начали сноровисто отрабатывать его зарядку. Слышался стук шомполов о стенки стволов, щелчки курков да их удары об огниво «вхолостую». А за их спиной, на огневом рубеже уже хлопали первые выстрелы. Третье и четвертое отделения приступили к стрельбе по своим мишеням.

– Ты куда глаза-то свои прикрываешь, дурья твоя башка?! – донесся крик капрала Катышева. – Кульков, ну ты куда палишь-то?! Вот с того-то у тебя и дырок в мишени гораздо меньше, чем у всех остальных! Конечно, с чего бы им там быть, когда у нас тут такой заяц в плутонге нарисовался! Это тебе не пехотное каре, которое перед собою в дымное облако пуляет. Это ведь егерская цепь, дурила! Еще раз увижу, что ты жмуришься, под ребра у меня сразу схлопочешь! А вот отделенный командир тебе еще потом горячих добавит. Слыхал меня, Влас? – кивнул он командиру третьего капральства.

– Да слышал я, слышал, Семен, – покачал головой крепкий ветеран. – У меня тут двое таких. Я и за Ванькой Рябым это же заметил. Почитай, что у каждого отделения такие вот моргуны у нас есть. А чего, в пехотном полку-то на это вообще ведь не обращают внимания. Там хорошо, ежели по три патрона за полгода давали молодым стрельнуть, а кое-где так и вообще на холостом бое все стрелковое учение проходило. Вот и боятся люди ружейного грохота и огня, потому как непривычные они к такому.

– Ну что же нам остается делать, будем учить, – вздохнул Катышев. – С Афанасием Ивановичем посоветуюсь или вообще даже с их благородием. Коли исправятся, так останутся у

нас, ну а ежели нет, так обратно в свой полк уйдут. У нас ведь, вон, даже повара или интендантские не хуже многих строевых стреляют. На кой нам вообще такая вот обуза здесь нужна? Так, ладно, слушай мою команду – положение «с колена» принять! Три патронами быстрым боем, по мишеням – огонь!

«Бам! Бам! Бам!» – слышались ружейные выстрелы из-за перелеска.

– Матвей, за конями пригляди, пока мы на полигоне с господином майором будем, – Алексей кивнул сопровождающему их с Гусевым вестовому.

– Пошли, Сергей Владимирович, поглядим, как там молодые свой стрелковый навык нарабатывают.

– Ружья на ремень! Сомкнуть строй! – донеслось до подходящих к стрелкам офицеров. – Смирно! Ваше высокоблагородие, отделения учебной роты проходят занятия по стрелковой подготовке! Докладывает старший оружейной команды подпрапорщик Мальцев!

Алексей козырнул старшему унтер-офицеру.

– Продолжайте и далее свои занятия, Афанасий Иванович. Считайте, что нас здесь рядом с вами как бы и нет. А мы с главным квартирмейстером со стороны тут поглядим.

На лицах молодых солдат читалось напряжение. Как же, сам командир батальона сейчас на них смотрит! А ну как он на тебя вдруг сейчас осерчает?! Ох и страшно!

Они суматошно выдергивали учебные патроны из поясного патронташа, скусывали с них кончик плотной бумаги, имитировали засыпку пороха на полку замка и в ружейное дуло. А вот теперь примять все хорошо шомполом и подать свинцовую пулю в ствол. Заряжено! «Щелк, щелк, щелк», – только и слышались сухие удары курка.

– Не просто так ударный кремь портим! – рявкнул Афанасий. – Пушай даже и в холостую, но все же хорошо мишени выцеливайте! Не зря же там для вас щиты ладили! Вот и представляйте, что это турка прямо сюда к вам по полю скачет. Эй, рыжий, как уж тебя там, Митрофан, ты почто резко спусковой крючок дергаешь?! Даже мне отседова это видно. Коли по-настоящему палить станешь, так весь казенный свинец в землю вгонишь. Плавный спуск и ровный должон у тебя быть, опосля самого вдоха. Сто раз ведь уже повторял, сами следите, как с ружьем работаете. Лучше чуток позже выстрелить, да зато точно, чем впустую, в белый свет бестолково lupить!

Солдаты старались. Видно было, что им очень не хочется ударить в грязь лицом перед высоким начальством.

Со стороны перелеска показались фигуры двух егерей. Более молодой, с офицерской саблей на широком поясе и с выпушкой на каске заметно прихрамывал.

– Ваше высокоблагородие, учебная рота находится на занятиях. Разрешите получить от вас замечания? Командир роты капитан-поручик Самойлов! – доложил офицер.

– Старший сержант Дубков! – вскинул руку к головному убору пожилой унтер.

– У меня пока что замечаний нет, Николай Александрович, – улыбнулся Егоров. – Мы ведь и сами вот только что сюда подошли. Что, Макарыч, я смотрю, не поспеваешь ты уже за своим ротным? – обратился он к седому ветерану.

– Дык за ним разве же угонишься, ваше высокоблагородие, – усмехнулся тот. – Куды уж мне, старику, да за молодыми бегать. Хотя их благородию, конечно, бы побережь ногу надобно. Все же такое сурьезное ранение у него было, ладно хоть кость опосля удачно срослась, а то бы... – и он, вздохнув, махнул рукой.

– Ладно, ладно, Иван Макарович, ты уж на себя не наговаривай, шустрее и сноровистее многих молодых и сам будешь. Скольким солдатам свой воинский опыт передал, меня, вон, свое время учил. Потерпи немного, дядька. Ну вот кому, как не тебе, в унтерском старшинстве на этой учебной роте быть, да с таким-то богатым егерским навыком?

– А вот вам, господин капитан-поручик, действительно поберечься нужно, – перевел он взгляд на Самойлова. – Акакий Спиридонович вчера вечером мне докладывал, что вас рана начала беспокоить и что вам покой теперь непременно нужен. Может, все же возьмете отпуск для поправки здоровья? Полагаю, что вам отказа в штабе армии в этом не будет. Если что, так я и сам там походатайствую.

– Премного благодарен вам, ваше высокоблагородие, за ваше участие и беспокойство, – учтиво склонил голову Николай. – Однако все же прошу вас не тревожиться обо мне. Рана моя почти что уже зажила. Я ее сам по своей нерасторопности немного разбередил, когда показывал солдатам их действия при штурме учебной фортеции. Оступился там слегка, ударил, и вот на тебе, – и он, притопнув ногой, поморщился. – Батальонный лекарь чудодейственную мазь мне сготовил, говорит, что ежели целую седмицу, не пропуская ни дня, ее в ногу втирать, то тогда уже точно боль отпустит. Ну вот как мне от батальона удалиться, Алексей Петрович, когда впереди у нас такое серьезное дело намечается? Что уж, я и сам разве не вижу, как стрелковые да понтонные роты на берегу споро работают? Войска наши совсем скоро в наступление, на Очаков двинут. А мне что же, в тиши отлеживаться? Простите, не смогу я уже так! Попрошу вас, господин подполковник, оставить меня при батальоне, хотя бы даже и в этой вот учебной роте, коли уж из строевой стрелковой сюда перевели.

– С повышением перевели, Николай, – отметил Егоров. – Не задвинули, а серьезное дело доверили, как грамотному, боевому офицеру, причем георгиевскому кавалеру. Еще и таких командиров в помощь, вон, выделили. Ладно, Самойлов, не хотите от действующей армии для поправки здоровья отъехать, значит, тогда сами за собою смотрите и не запускайте рану. Жаль вот, времени на все про все у нас мало. Еще бы пару месяцев здесь, на этом берегу, укомплектоваться да начальный егерский навык молодым солдатам набить.

– Неужто пойдем скоро, господин подполковник? Приказ на переправу получен? – вскинулся ротный.

– Тихо, тихо, капитан-поручик! – оборвал его командир батальона. – Отойдемте, господа офицеры, не будем здесь подпрапорщику мешать. А ты, Афанасий, и далее продолжай занятия с солдатами. Я гляжу, у них сейчас гораздо лучше получается, чем три дня назад, когда мы у вас были. Уже даже и сноровка у некоторых становится видна, рука на этом оружейном деле потихоньку начинает набиваться.

Офицеры отошли на десяток шагов в сторону, а учебные отделения продолжили отработку быстрого заряжания.

– Вы бы не кричали такое при подчиненных, Николай. Ну что вы, неужто своих солдат совсем не знаете? – сказал, пожурив капитана-поручика, Егоров. – Это же как сарафанное радио: на одной околице бабка Акулина своей соседке рассказала, что у нее Пеструшка вдруг яйца в крапинку начала нести, а вечером об этом уже и все село знает. Ну а следующие сутки три соседние деревни пересуды ведут. Не нужно людей будоражить. Мы все-таки на постое у станичников в их избах располагаемся. А ну как вдруг слух да на тот берег перебежит? Всякое ведь может случиться, тот же рыбак, скажем, может в руки туркам при ловле попасть. Ну ладно, вижу, ты и сам это все понимаешь, готовьтесь, совсем скоро важный приказ будет. Твою роту мы в бой вводить не собираемся. Она еще неуккомплектованная и необученная пока у нас. Только-только вот отделения в ней начали сбиваться. Так что будете пока на подхвате. Вон, интендантской службе Рогозина поможете. Где-то переправу нужно будет организовать. Доставка тех же боевых припасов или же вынос раненых на вас ляжет. Тоже, знаешь, то еще это хлопотное дело. Ну а коли уж совсем жарко станет, так и твои семь с половиной десятков бойцов для нас самым последним резервом будут. Не дай Бог, конечно, – это уже самый край. В любом случае, Николай Александрович, все солдаты должны быть вооружены, экипированы, уверены в себе и в своих товарищах. Я погляжу, кроме унтеров и капралов ни у одного пистолей и тесаков при себе нет?



– Нет, господин подполковник, – покачал головой Самойлов. – Три дня назад только лишь последние два десятка фузей получили, да и то пехотных с длинным стволом. Если еще вдруг новобранцев к нам подведут, то у меня их вообще ведь вооружать нечем будет. Два старых ружья лишь в запасе имеются, которые Мальцев с Катышевым отлаживают, вот и все. Из штуцеров только у них они и есть. Это те, которые свои, закрепленные, что они с собою из стрелковых рот сюда забрали. Тромбон, вон, один выдали, да и у того ударный замок неисправный. Опять же, оружейники наши вечерами над ним колдуют, пытаются восстановить. Э-э-эх, – и ротный, махнув рукой, огорченно вздохнул. – Не егерское у меня подразделение, а словно ополовиненная мушкетерская рота!

– Ладно, придумаем что-нибудь со временем, не журишь, Николай, – потрепал его по плечу подполковник. – Ну кто же вот за три недели, да из новых людей боевое егерское подразделение сразу создаст? Для этого ведь долгие месяцы и хлопоты нужны. Подожди вот, со временем и твоя рота не хуже всех прочих у нас будет. А по поводу оружия я подумаю, что тут еще можно будет с этим поделать. Пока же готовьтесь воевать тем, что у вас и так сейчас есть. Фузеи с запасом патронов ведь имеются? Штыки при них? Ну, значится, у тебя уже солдаты. Гренады им, конечно, пока что еще рано давать, себя они быстрее ими побьют, чем врага. А для работы с пистолем тоже ведь особый навык нужен. Вот и наработаете его на трофейных, на учебных коротышах. Как только уверенно ими владеть научитесь, так и боевые наши драгунские пистолы потом получите.

Посмотрев, как два отделения бьют по мишеням, командир батальона и его главный квартирмейстер отправились дальше.

В станице Николаевской и возле нее царила суеда. По только что подсохшим от весенней грязи дорогам шагали войсковые пехотные колонны. За околицей дымили многочисленные костры, скакали казачьи и драгунские сотни, катили в орудийных упряжках на передках пушки. Все это говорило о том, что возле Буга собирается сейчас большая военная сила. Так же многолюдно было в самой станице, где квартировались те части, что располагались здесь и ранее, или же те, что успели подойти сюда раньше других.

Возле переулка, выходящего на околицу к оврагу, там, где располагалось тыловое хозяйство батальона, стоял усиленный караул егерей.

– Ваше высокоблагородие, чуть было с драгунами недавно не сцепились, – рассказывал Алексею фурьер Луковкин. – У нас же здесь все под особой, под строгой охраной находится, не зря же мы весь проезд той вон лесиной с полосами перегородили и ажно цельное отделение при ней выставили. Чай, столько добра батальонного за спиной хранится, а эти-то злыдни все прут и прут! «Открывай! – кричат нам. – Открывай, пяхота! Заграбастали себе всю улицу, а нам, дескать, и жить вовсе негде! Убирай свою разрисованную оглоблю с пути, а иначе вас всех тут конями потопчем!» Вот так вот и орут, прямо как оглашенные! – рассказывал взволнованный унтер. – Ну, вот и пришлось нам штыками грозить. Я им, значится, кричу: «Топтать начнете, так мы вам кишки выпустим!» А там уже их унтер с пятью человеками спешил, и они за эту самую загородку руками схватились. Ладно хоть наш господин старший интендант с комендантским плутонгом сюды подоспел. «В две шеренги становись! – кричит. – Ружья наизготовку! Первая с колена, вторая стоя к стрельбе товсь!» Ни разу я еще Александра Павловича таким вот грозным не видел. Ну, драгуны-то сразу спужались и дали от нас деру. Вот теперь сам тут буду стоять да за порядком приглядывать.

– Смотри как у вас тут жарко, – покачал головой Егоров. – Молодцы! Ладно, фурьер, продолжайте и дальше свою службу. Никого из чужих, кроме разве что господ офицеров, сюда не пускайте. Да и к тем в сопровождение патруль приставляйте, а прежде всего через вестового главного интенданта предупреждайте. У нас в этом переулке свободного жилья вовсе даже нет, а все сараюшки и клетки батальонным добром заставлены. Вот и нечего здесь кому бы то ни было шататься.

Во дворах и на самой улице копошились солдаты в зеленых мундирах. Слышалась перебранка, стук молотков и вжиканье пилы. Кто-то отчитывал Степана с Герасимом за их небрежение и леность. Кто-то громогласно звал какого-то Ваньку, обещая на его дрянную башку кару небесную, если он сию минуту, зараза, не вернет бондарский скобель и долото.

Зайдя за плетень одной из хат, Алексей увидел все свое батальонное интендантское начальство. Rogozin в окружении старших тыловых групп и штатных ротных мастеров осматривал походные кухни. Все три одноосные и большая двухосная чадно дымили в небо из своих труб, а в их топки закидывали все новые и новые полешки.

– Что это они у вас так чадят-то, Александр Павлович? – подойдя поближе, спросил своего интенданта Алексей. – Как будто тут у вас четыре бани разом растапливают. Не боитесь, что от перегрева котлы не выдержат и рванут?

– Не рванут, Алексей Петрович, – отмахнулся Rogozin. – Там какие-то хитрые английские клапаны на них херсонские корабли поставили. Говорят, что ежели в котлах избыточное давление будет, то пар сильнее через них стравливаться будет. А так, вон, попыхивает маненько поверху.

Действительно, над всеми металлическими баками струился белый парок. Над двухосной кухней, с ее большой топкой его было больше всего.

– Мы сейчас тут течь ищем, – пояснял главный тыловик, – чтобы у нас, как в прошлом выходе на Кинбурн, неприятность не случилась. Тогда на холодную заливали, так все вроде ладно было, а вот как только натопили основательно, так сразу же из нескольких щелей потекло, и чем дальше, тем больше. В полевых условиях ох ведь и трудно такие вот неполадки устранять, уж лучше мы сейчас тут вот все это испытаем. Небошь, совсем уже скоро в поход двинем, так ведь, господин подполковник? – и старый служака пытливо поглядел на командира.

– Пойдем, Александр Павлович, покажешь мне, чего вы там с нашими трофейными фальконетами содеяли, – Лешка кивнул в сторону выхода на улицу.

– Усков, за меня тут останешься! – распорядился старший интендант. – Еще часик их потопите, и, пожалуй, хватит. Ежели течи нигде не будет, то пушай себе остывают потихоньку, – и пошел вслед за командиром.

– Скоро, Павлович, совсем скоро пойдем, – приглушенно ответил на заданный ему вопрос Алексей. – Только вот кухни ты пока переправлять с нами на тот берег не будешь. Каждый егерь должен будет иметь при себе сухой продуктовый паек на трое суток и боевой припас для долгого сражения. Батальон переправится через реку без всего тяжелого имущества, а вот интендантские и лекарские повозки, кухни и все прочее догонит нас уже потом, когда мы двинем к Очакову. По пороху, свинцу и готовым патронам мне Афанасьев уже все доложил. Надедали мы их с избытком. Гренад и фугасов тоже пока что хватает. А вот как дела с вооружением для учебной роты обстоят? Там ведь у егерей окромя пехотных фузей ничего более нет.

– Алексей Петрович, все что мог, и даже более того, я сделал, – вздохнул устало Rogozin. – В новую амуницию всех сумели одеть, тогда как во многих пехотных полках только лишь гренадерские и первые мушкетерские роты в новые щеголяют. А вот все остальные в старой, еще в той, утвержденной матушкой Елизаветой Петровной ходят. Фузеи хоть и самые обычные, пехотные у солдат, да зато мы все старые и разнокалиберные на одну единую тульскую систему сумели обменять. А это, я тебе скажу, тоже ведь совсем не просто было сделать. Это ладно у меня хоть при интендантстве армии еще те, старые связи остались, и я знаю, кому чего и сколько надо занести. А то так бы и мучились, толкаясь в закрытые двери. Пистолей и сабель вообще нет, хоть ты сколько кому на лапу давай. Вон, несколько карабинерских конных полков еще при петровских палашах и с одними лишь устаревшими ружьями службу несут. Их командиры ревностно следят, кого и как интендантство вооружает. Нажалуются они куда надо, особые люди дознание в армейском интендантстве проведут и потом сгонят многих от теплых мест. Так что они там все не желают сильно рисковать, но все же пару десятков дра-

гунских сабель с пистоллями обещали мне дать. Завтра обоз с Елизаветграда сюда подойдет, вот и поглядим, не забыли ли они про свое обещание.

– Нда-а, два десятка – это капля в море, – вздохнул Алексей. – Обещали ведь, что к новой кампании все воинские части переоденут и перевооружат. Что встретим мы врага при полной подготовке, но у нас все как обычно – войну все ждали, но она вдруг грянула неожиданно. Вот и будем мы ее теперь вытягивать на солдатской, на русской доблести и на гении полководцев.

В соседнем дворе стояли пять небольших орудий фальконетов. Возле них крутились батальонные оружейники и ротные пионеры. Орудийная команда была уже давно расформирована, и люди с нее перешли в стрелковые роты. Но опыт был уже наработан, и, когда нужно, их всегда можно будет приставить к пушкарскому делу.

Все серьезные орудия батальон сдал армейскому интендантству. Эти же небольшие пушечки, снятые с побитых турецких судов, припрятали и переделали для колесного хода.

– Ну как, Савва, выдержит ли лафет выстрел с хорошим зарядом? Фальконеты оси свои не свернут при откате? – Алексей похлопал ладонью ярко начищенный бронзовый ствол.

– Да вы-выдержит, выше высокоблагородие, вы-выдержит! – пробасил здоровяк. – Да как же не выдержать, когда мы им оси ажно в Херсонской корабельной кузне ковали, а потом еще в особой казенной мастерской ладили? Три седмицы там с господином подпоручиком ведь были. Чай, испытали их уже, хорошо все орудия пуляют. Вес тоже снизили, как могли, больше уже никак его было нельзя уменьшать, дабы вся «конструкция» не ослабла.

– Ладно, «конструкция», – усмехнулся Алексей. – Имейте в виду, Савва, что эти фальконеты должны будут в боевых порядках у нас на том берегу идти. Мала эта пушечка, да зато жалит она больно. Для десанта самая что ни на есть удобная огневая поддержка. А для этого их нужно будет через Буг суметь перебросить. Подойди к Платону Николаевичу, войсковому старшине запорожцев, попробуйте с ним отработать погрузку и выгрузку фальконетов на их кончечасах. Может, мостки какие-нибудь потребуются придумать для удобства, блоки там, ну или еще чего? Берег на месте высадки незаболоченный будет, но зато с хорошим подъемом. Так что соображайте, как вам не затянуть с их выгрузкой.

– По-онял, ваше высокоблагородие, – протянул старший батальонный канонир. – Сегодня же вот этим и займемся.

Алексей с Рогозиным пошли дальше по переулку, а за их спиной уже раздавались команды помора:

– Этот и вот этот давай выкатывайте, братцы! Да не этот же, ну чего вы в самом деле?! Вот тот берите, он потяжелее всех будет, его и будем пытаться да глядеть в деле.

## Глава 2. Десант

– Не робей, соколик! Да знаю, знаю я, что ты не из робких! – воскликнул Суворов. – Фортуна имеет голый затылок, а на лбу у нее длинные висячие волосы: не схватил – уже не возвратиться! Вот и хватай ее, подполковник, крепким хватом! Вам только одни сутки нужно продержаться, пока мы будем понтоны на тот берег заводить. А на вторые турки уж и сами побегут, когда мы по ним со всей своей силой с юга ударим! Если наше главное войско не замедлится с подходом, то уже в июне барабанам можно будет сигнал «на штурм» крепости бить! А там решительная атака: глазомер, быстрота, натиск – и Очаков к ногам нашим падет! А к августу можно будет армии уже и на Днестр выходить, и даже далее к самому Дунаю ее двигать. Пока турки не оправились, надобно нам победу малой кровью добыть. Коли же мы с этим затянем, так потом тяжелее во сто крат будет их за Балканы выбивать.

– Так точно, Ваше превосходительство, – гаркнул, вытянувшись по стойке смирно, Лешка. – Быстрота маневра, удар и решительный натиск – все, как вы и учили! Попрошу только при мне несколько баркасов с казаками оставить. В десанте в ранцах много боевого припаса с собою не возьмешь, а вот дело жаркое обещает быть. Разобьем на своем берегу интендантский лагерь, и будут они нам с того берега весь этот припас доставлять, а наших раненых обратно на русский левый вывозить.

Суворов резко развернулся и прошелся по шатру.

– Ладно, будут у тебя баркасы, я распоряжусь. Но прости, Егоров, много оставить их тебе я никак не смогу. Они на главной переправе нам самим ох как понадобятся! Понимаешь и сам ведь, небось, что если мы за ночь пару пехотных полков на тот берег не переметнем, пока инженеры нам мост строят, так турки нас обратно в реку сбросят. Не дураки ведь они, не всех же их на себя ты там сможешь перетянуть. Да, и еще помни одно, егерь, что нечего вам таскать за собой большие обозы. Правильно ты сказал, главное – это быстрота и натиск! Ваш хлеб и порох в обозе и в ранце врага! Так, ну а теперь с тобой, подполковник, – остановился он напротив командира Бугского казачьего полка. – Сергей Федорович, пройди со своими соколами подальше, прогуляйся там, наведи у турок в тылу панику. Для вас ведь такое уже привычно, в прошлом году, как мне рассказывали, вы на себя аж три конных алая басурман вытянули из Очакова. Ну вот и сейчас так же решительно, как и ранее, на том берегу действуйте. Если вам совсем плохо там будет, то оттягивайся сразу же на север в сторону Ольвиополя или Елизаветграда. Оттуда как раз через пару дней наша армия походом на юг пойдет. Вот и вытаскишь преследователей на ее штыки, а от егерей Егорова, напротив, их отведешь. Ему, я полагаю, и так несладко на правом берегу будет.

– Михаил Илларионович! – повернулся он к Кутузову. – С этого самого момента и до особого распоряжения батальон Егорова прикомандировывается к моей дивизии и выходит из состава Бугского егерского корпуса. С письменным распоряжением, заверенным их светлостью князем Потемкиным Григорием Александровичем, ознакомишься сейчас же. Полковник Баранов вам его представит. Ну все, господа офицеры, – обратился он ко всем присутствующим в шатре, – каждый свое дело знает. Начинаем наведение понтонов и переправу на противоположный берег через два дня. Батальон Егорова вместе с казачьим полком Касперова выходит к месту ложной переправы войск сегодня же ночью. Все, я никого более не задерживаю. С Богом!

Майский день долог. Колонна шла вот уже пятый час быстрым маршем на север. Походные кухни дымили в самом ее конце, и обед готовился прямо на колесах.

– Рота, стой! – донеслось из головы. – На обочину, на травку выходи! По артелям разбивайся! Один от артельного товарищества, бегом к кухне! Котелок для каши, котелок для кипятка, сухари за пазуху!

Вслед за первой ротой на поляну потянулись и прочие. Солдаты скидывали с плеч тяжелые ранцы, составляли вместе пирамидой фузеи и, растянув на земле пологи, ложились на них, задрав вверх ноги. Погромыхая на колдобинах, проехали тыловые фургоны, а вот показались и походные кухни.

Пока коноводы распрягали упряжки, повара заскочили на повозки и, открыв парящие баки, размешивали в их глубине черпаками на длинных ручках.

– Ванька, Никита, ну чего вы народ томите? Давай уже, что ли, накладывайте побыстрее! – выкрикивали самые нетерпеливые из толпы. – Брюхо уже к хребту прилипло, а ну скорее насыпай!

– Я те насыплю, я те насыплю сейчас, баламошка! – сердито ответил усатый немолодой уже повар. – К обеду не к делу: все готовы! Ты, Егорка, прежде бы лучше турку геройским своим кличем на поле брани сломил, а уже опосля вот здесь орал.

– Так ведь, чтобы вражину крепко бить, надобно свои силы, дядька, крепить! – ответил ему скороговоркой остряк из третьей роты. – А с чего бы им быть, когда в брюхе пусто? Вот как только отобедаем, так и на вражину сразу можно наскакивать.

– А-а-а, конечно, – только и отмахнулся повар, – наскакивать он будет, болтун! Знай, балабол, что хороши обеды опосля славной победы! Вот как только разобьешь неприятеля, так и я тебе двойную пайку тогда с легким сердцем зачерпну, а сейчас-то чего по-пустому бахвалиться?!

– А я ведь это запомню, дядь Вань! – невысокий, егостый егерь подставил ближе котелок, в который повар бухнул один за другим три больших черпака каши. – Я потом, опосля геройского своего дела, всенепременно к тебе за добавкой заявлюсь!

– Заявишься, конечно! Уж ты-то обязательно заявишься, – покачал головой повар. – Лаадно, слово не воробей – вылетит, не поймает. Коли сказал, значит, будет тебе лишний пай за большое геройство. А пока, вон, за кипяточком и сухарями к Селантию вставай. Следующий! – крикнул он и зачерпнул аппетитно пахнущую гущу.

Офицеры тоже обедали из общих котлов, правда, сидели они отдельными кучками. Котелки им приносили вестовые. Это в боевой обстановке все уже было просто, тут же сословное деление имело место быть.

– Держи, Матвей! – повар черпнул варево с самого дна. – Еще давай. Ну, куды понес?!

– Да хватит уже, дядь Вань! – помотал головой старший вестовой. – Их высокоблагородие опять ведь будет бранить, что ему мяса со дна набухали. Да еще так много, словно на двоих.

– Ага-а, расска-азывай! – протянул повар. – Все и так уже давно знают, что наши господа офицеры свой благородный порцион в один общий котел отдают и что им отдельного варева никакого в походе не бывает. И чего, даже немного побаловать командира, что ли, теперь нельзя?!

– Да мо-ожно бы, конечно! Ну вот чего там Матвейка ерепенится?! Еще ему сыпь, дядь Вань, еще! – зашумели в очереди. – А ты, Матвей, помалкивай, тут у нас повар за генерала! Сказали тебе – еще черпак, так и стой спокойно, котелок свой подставляй, а то, во-он, вечно ты все куды-то бежишь! Ежели их высокоблагородия хорошо не поедят, так потом они в избыточной строгости сами будут пребывать! А оно нам разве такое надо? Клади ему, клади, дядь Вань, не слушай его! Еще давай и поболее клади!

Разбившиеся по тройкам малые артели споро работали ложками, черпая кашу. Сухари распаривали в кипятке и только потом их ели, дабы избежать заморочек с кишками. Артельные дежурные споласкивали посуду в ближайшем ручье, а сытые солдаты уже в это время лежали, подставляя в блаженстве лица весеннему солнцу.

– Ох и хорошо же, Тишка, – проговорил мечтательно Федот. – Как будто бы в деревне после посевной. Вот так же лежишь ты себе на пригорочке, отдыхаешь, а вокруг-то все зеленое, яркое. Птички щебечут, от земли родным запахом и свежестью веет.



– Это да-а, – протянул друг. – Только вот еще пара-тройка недель, и под солнцем палящим все тут жухнуть начнет. То ли дело вот у нас на Смоленщине, красота-а. Ты это, Федотка, не подходил покамест еще к ротному? А то смотри, я от комендантских слышал, что скоро десяток штуцеров должен в батальон подойти. Меня в отборные стрелки переведут, так, может, и тебе получится туда же следом зайти? Жалко ведь будет, ежели нам вдруг расстаться придется, свыклись ведь мы уже, сработались. Почитай, что и здесь даже, в стрелковом плутонге, словно бы охотничья пара.

– Ох, не знаю я, Тиш, – проговорил с сомнением Федот. – Сколько я стрелковый навык ни нарабатываю, а все так же, близко за тобой угнаться не могу. Ну вот кто меня такого да в команду отборных стрелков заберет? На прошлых стрельбах из десятка две пули мимо мишени прошли. Вот как только угораздило-то промазать, а?! – и егерь стукнул с досады кулаком по земле.

– Да ладно, ну чего ты так, всяко ведь бывает, – успокаивал его друг. – Сам же мне говорил, что знобит тебя. Прошлый караул промок под дождем до нитки, а возле реки так еще и дуло знатно. Ослаб маненько, огнем ведь весь горел. Ничего, я вот сам к их высокоблагородию скоро пойду, чай уж не прогонит он, выслушает меня. Пусть тебе мою прусскую фузейку отдает, ты с ней вона как ловко управляться наострился, ничем даже не хуже меня. Вот и будем сообща работать: я нарезным штуцером, а ты ей. И чем же мы не стрелковая пара, да еще и эдакая, вся слаженная?

– Эй, пара, а ну двинься маненько! – подошедший от ручья Варлам поставил рядом вымытый котелок и прилег на край полога. – Чать успею ноги вытянуть, а то скоро опять в дорогу. Еще дотемна нам шагать, да, небось, и в ночи даже придется. А вы все об энтих об особых стрелках мечтаете? Хвосты, вон, на каски выслужили, все вам мало? – пробурчал он и, закрыв глаза, совсем скоро засопел.

– Вот Варлашка, в любом месте и при любом удобном случае умудряется засыпать, – усмехнулся Тихон. – Помнишь, как его наш капрал мутузил за первый караул? Я сам слышал, как он Макаровичу рассказывал: дескать, иду к себе, а Вершков на часах у порохового склада стоит. Ровненько еще так, только что спиной об его стену опирается. Чуть было мимо не прошел. Ну а чего, службу-то он как бы несет, да, видать, чего-то все же насторожило. Подхожу, говорит, приглядываюсь, а у него ведь глаза закрыты! Ах ты ж, сволота такая! Дрыхнет он на посту! Ну и дал ему хорошенько!

– Да-а, у Герасима Матвеевича длань тяжелая, – поежился Федот. – Как же, помню, бывало, что и мне от него перепадало горячих. Да зато так и доходило быстрее, чем просто на словах. Не в обидах даже и вовсе.

На поляне пошло шевеление и послышались крики.

– Все, подъем, подъем, Варлаха! Поднимайся давай, вон уже роты начинают на дорогу выходить, – Тихон толкнул сладко сопящего товарища.

– Э-эх! – позевывая, тот сел и огляделся вокруг. – Вот как так всегда: «Не ел – не мог, а поел, так ни рук ни ног!» Не-ет, братцы, это я явно, выходит, что недоспал.

Мимо по дороге проскакал эскадрон казаков.

– Вона кому хорошо-то, – с кряхтеньем произнес Вершков, поднимаясь на ноги. – Скачи себе и скачи, сидячи и горя не зная. А тут, вон, своими ножками цельные сутки напролет топaeшь.

– А ты в драгуны просись, – с усмешкой посоветовал Тихон, вынимая фузею из ружейной пирамиды. – Будешь в седле, как ногойцы или киргизы, на ходу спать. Не служба, а мед.

– Нет уж, спасибо, я лучше как-нибудь здесь, – буркнул Варлам. – Все та же пяхота, да иногда лишь верхом на лошади. Только окромя себя еще и за конем нужно глядеть да обихаживать его.

– В ротные колонны становись! А ну не задерживай, скорее стройся! – донесся клич главного батальонного квартирмейстера.

Полурота Осокина рассыпалась на отделения и разбежалась передовыми и боковыми дозорами вдоль дороги. Отдельный, особый батальон егерей пошел на север скорым маршем.

Лешка, стоя на берегу, пристально вглядывался в сторону укрытой ночной теменью реки.

– Платон Миколаевич, у тебя все кончебасы с чайками успели сюда подойти или еще какие будут?

Стоящий рядом войсковой старшина запорожцев задумчиво потеревил свой вислый ус.

– Два кончебаса да три чайки ще не вигребли, Олексію Петровичу. Вони з лиману ось щойно прийшли. Тому трохи затрималися. Чекаю, ось-ось уже маємо з'явитися. (– Два кончебаса и три чайки еще не вигребли, Алексей Петрович. Они с лимана вот только что пришли. Потому немного задержались. Жду, вот-вот уже должны появиться. – укр.)

– Ты точно не сможешь подольше задержаться, Миколаевич? – переспросил казака Егорова. – А ну как не заладится у нас там, на том берегу, так хоть твои казаки помогут своим огнем. На каждом ведь судне по малому единорогу или по фальконету у вас стоит.

– Ні, пан підполковнику, – покачал головой старшина. – Суворов наказав до ранку до Миколаївської прибути. Шість чайок ми вам і так залишаємо. Більше, пробач, ну ніяк не могу. Сам же знаєш, яка у нас справа на головній переправі буде. (– Не-ет, пан подполковник. Суворов приказал до утра уже к Николаевской прибыть. Шесть чаек мы вам и так здесь оставляем. Больше, уж прости, ну никак не могу. Сам же знаешь, какое у нас дело на главной переправе будет. – укр.)

– Да знаю я, Платон, – вздохнул Алексей. – Ладно, будем надеяться, что и сами мы там сможем без вас справиться. Вам ведь и правда совсем скоро столько работы предстоит! Передовые полки за одну ночь нужно будет на тот берег перебросить. Это, вестимо, дело вовсе даже не шуточное!

– Ну. Трохи можна буде затриматись і з гармат постріляти. Генерал далеко, не бачить, як тут, – казак хитро покосился на Егорова. – А як ви турку з укріплень скинете, нам сигнал дасте, і вже тоді ми вниз підемо. (– Ну-у. Немного можно будет задержаться и из пушечек пострелять. Генерал же далеко, не видит, как здесь. А уж как вы турку с укреплений сбросите, нам сигнал дадите, и уж тогда мы вниз пойдем. – укр.)

– Вот это дело, Миколаевич! – Алексей порывисто обнял старшину за плечи. – Спасибо тебе, друг. Вы нас очень сильно выручите, если сможете отвлечь неприятеля на себя. Под прикрытием вашего огонька совсем ведь другое дело будет нам османские ретраншементы штурмовать. Да и командование турок ведь гораздо сильнее поверит, что у нас именно здесь основное наступление проходит, если даже с реки целая флотилия своим орудийным огнем десант поддерживает.

– Добре, буде вам допомага, – улыбнулся войсковой старшина. – Крепко басурман там бейте!

– Дозорная полурота у нас, как всегда, выходит первая, – ставил задачу своим командирам Егоров. – Тимофей Захарович, вы грузитесь на два кончебаса и пять чаек вместе с батальонной командой отборных стрелков. Имей в виду: пластуны из плутонга Быкова должны будут минут за пятнадцать на тот берег высадиться и попытаться втихую турецкие караулы у реки снять. Удастся потом всей твоей полуроте без шума дальше зайти, значит, считай, что вы треть всего нашего общего дела сделали. Не получится, так, значит, потом труднее будет всем нам их бодрых и готовых к бою из укреплений вышибать.

– Мы постараемся, ваше высокоблагородие, – пробасил подпоручик. – Я с первыми двумя чайками сержанта Лужина пошлю, у него там целый десяток головорезов под рукой. Вот и

пускай они берег ножами расчищают. Мне бы еще пару человек с тромбонами прижать, там, если вдруг что, в сумятице они могут хорошо панику усилить.

– Добро, – кивнул Алексей, – разумное предложение. Афанасьев, придашь им самых сообразительных пионеров, и отборных стрелков тоже отряди звено. Если нужно, так из стрелковых рот их возьми.

– Есть, ваше высокоблагородие, прижать пионеров и стрелков дозорной полуроте! – кивнул рыжей головой Василий. – Я уже и сам подумал, что надо бы им пятерку из тех, кто хорошо ночью видит, подобрать. Все уже готово у меня.

– Вот и ладно, молодец, коли так! – похвалил старшего оружейника батальона подполковник. – Так, далее, следующими идут на высадку стрелковые роты по порядку в три волны. И самыми последними уже грузится учебная рота Самойлова. У нее будет особое дело по тыловой части. Николай Александрович, подойди к старшине запорожцев Стороженко, пусть он тебя познакомит с теми старшими на речных судах, что с нами на все время десанта останутся. Нам нужно, чтобы вы хорошо друг друга понимали и обеспечили нам бесперебойный подвоз боевого припаса и переправу на свой левый берег раненых. Кстати, запорожцы изъявили желание немного здесь задержаться и прикрыть нас огнем из своих орудий.

– О-о, молодцы казаки! Вот это хорошая помощь! – загомонили собранные на совет командиры. – Еще бы и днем с нами остались, когда здесь самое жаркое дело будет!

– Угу, ну конечно, да и вообще бы к нам в батальон перешли, – передразнил мечтателей Егоров. – И действительно, зачем они дивизии? Александр Васильевич и без них справится со всеми своими тысячами на главной переправе. Эх вы-ы! На себя лишь нужно надеяться, господа! Спасибо станичникам и за такую вот задержку. Учтите, все в основном будет зависеть лишь только от нас, от того, как решительно и грамотно мы с вами будем действовать.

«Дум, дум, дум!» – стучали подошвы сапог о борта и о палубу казацких кончбасов. Дозорная полурота с приданным ей усилением запрыгивала на стоящие у берега суда, а два десятка из ее лучших пластунов уже подходили на запорожских чайках к правому, османскому, берегу.

– Тихо. Как тихо сегодня на реке, – еле слышно прошептал Лужин, пристально вглядываясь в чуть видные очертания береговых склонов. – Ну-у, слышно чего там, а, Вань?

Сидящий на носу у фальконета Соловей отрицательно помотал головой.

– Вот и я ничего не слышу, – вздохнул сержант. – Ладно, двум смертям не бывать, а одной все одно не миновать. Выходим!

Большая лодка зашелестела камышом и уткнулась в песчаный береговой скос. Сразу три егеря прыгнули с ее носовой части и, пригнувшись, бросились вперед. За ними один за другим начали выскакивать и все остальные, рассыпаясь по берегу.

– Hey, orada kim var?! Kemal, bir şey duydun mu?!<sup>1</sup> – вдруг раздался крик неподалеку. – Peki, Fidan'la git ve ne tür bir gürültü olduğunu kontrol et!<sup>2</sup>

– Все, вляпались! – выдохнул Лужин и толкнул локтем Соловья. – Ваня, бери пятерку Ужа, и скрадывайте бесшумно эту пару. Глядишь, и еще маненько времени мы тут протянем без тревоги!

Егерское звено, распределившись, скользнуло навстречу османскому патрулю, беря его в клещи. Турки выступили из высоких зарослей рогоза с ружьями наготове, и пошли они именно в ту сторону, где как раз и стояли казачьи лодки. Малой с Фролом лежали как раз у них на пути, а вот Ужа с Игнатом они проходили своим правым боком. Накинутые на тела разведчиков сети с навязанными на них тряпицами и пучками травы надежно скрывали их от глаз врага. Высокий

---

<sup>1</sup> – Эй, кто там?! Кемаль, ты ничего не слышал?! – *тур.*

<sup>2</sup> – А ну сходите с Фиданом и проверьте, что это за шум! – *тур.*

турок, занеся ногу, уже почти что наступил на травяную кочку, которая вдруг взметнулась вверх, и блеснувший кинжал ударил ему прямо в сердце. Разом онемевший палец судорожно дернулся на спусковой скобе, но его усилия чуть-чуть не хватило, чтобы ее выжать. Малой подхватил выпавшее из рук турка ружье, а Фрол – само тело. В двух шагах от них Уж с Игнатом вот так же укладывали на землю и второго срезанного патрульного, зайдя ему со спины.

– Быстрее! Быстрее! – приглушенно крикнул Лужин.

Цепь из трех десятков егерей разбежалась в стороны от места высадки.

– Отходите, Тарас, – махнул сержант в сторону реки. – Похоже, шуманули мы здесь немного, вот-вот турки всполошатся. Давайте за подкреплением гребите быстрее. наших дозорных и Первую роту поторопите!

– Добре! – кивнул запорожец, и обе лодки скользнули в речную темноту.

– Kemal, Fidan, neyin var orada? Neden sessizsin?<sup>3</sup> – донесся тревожный крик из-за дальних кустов.

– Şimdi canım! Burada çimenlerin arasında bir çanta bulduk. size getiriyoruz. Ağır<sup>4</sup>, – прикрыв рот ладонью, с натугой выкрикнул Лужин.

– Kemal misin? Çantada ne var? Şimdi size gidiyoruz!<sup>5</sup> – раздался отклик османского командира.

– Обходим полукругом! – приглушенно скомандовал сержант. – Там их, небось, не больше десятка будет, всех в ножи берем и чтобы без шума!

Дальше события понеслись стремительно. Из зарослей рогоза вышло пять, десять, пятнадцать турецких солдат.

– Тьфу ты, вот теперь уже точно по-тихому не получится, – пробормотал Соловей и, спрятав кинжал в ножны, взвел курок на штуцере.

– Ах ты, бисова душа... – выругался приглушенно Леонтьев и опустился на колени. Вместе с Фролом они в накинутах сверху турецких кафтанов тащили навстречу туркам тот самый мешок, про который сказал Лужин, отвлекая их внимание на себя. Но кто же вот мог только подумать, что их здесь будет столько?!

– Peki neden döndünüz? Vana ne bulduğunı göster?<sup>6</sup> – громко сказал турок в феске, подходя к сидящим на земле.

Из густой травы выскочила пара десятков размазанных фигур в балахонах и накинутах сверху сетях. Сверкнули тесаки и кинжалы, раздалась выкрики боли, ужаса и отчаянья, а из дальних кустов вдруг оглушительно грохнул первый выстрел.

– Говорил же, что не получится! – пробормотал Соловей, прицеливаясь.

«Бах!» – ударил его выстрел, и в отдалении раздался резкий вскрик.

«Хлоп! Хлоп!» – разрядили снизу свои пистолы Мишаня с Фролом. Все, теперь маскировка была уже ни к чему, и они скинули на землю турецкие кафтаны.

«Ба-ах!» – рявкнул тромбон, осыпая кусты россыпью крупной дробы.

– Плутонг, вперед к ретраншементу! Заходим справа от деревни! – выкрикнул что есть мочи Лужин и, резко выдохнув, побежал наискось, вверх по склону.

С причаливших судов на берег в это время начали выскакивать остатки дозорной полуроты и звено отборных стрелков, а вслед за ними побежали растянутые цепочки егерей из Первой роты.

– Быстрее, быстрее, братцы! – торопили унтера солдат. – Слышите? Там уже пластуны в рукопашную с туркой режутся! Помогать им нужно!

---

<sup>3</sup> – Кемаль, Фидан, ну что у вас там?! Почему молчите?! – *тур.*

<sup>4</sup> – Сейчас, сейчас, уважаемый! Мы тут мешок в траве нашли. К вам несем. Тяжелый. – *тур.*

<sup>5</sup> – Это ты, Кемаль? Что там в мешке? Сейчас к вам идем! – *тур.*

<sup>6</sup> – Ну чего застыли? Показывайте, что нашли? – *тур.*

– Ура-а! – цепь стрелков с громким кличем побежала вперед. «Бум! Бум! Бум!» – время от времени хлопали их ружья.

«Ба-ам!» – ударила пушка с укреплений, и ядро со свистом пронеслось над головами. Вверху, на фоне темнеющего берегового склона, начали сверкать огоньки. Турецкая пехота оправилась от первого испуга и начала отстреливаться из ружей.

Алексей шел во второй волне атакующих. Шлеп! В двух саженьях от кончебаса раздался громкий всплеск, и несколько капель упали ему на щеку.

– Ядро вдарило! Ох як турки всполошились! – стоящий у носового единорога крепкий запорожец стряхнул с лысины воду.

– Станичники, дайте поверху из орудия, – попросил Егоров. – Пускай хоть немного боятся и отвлекутся от стрелков!

– Зараз, зараз, пан охфицер, – кивнул казак и подшагнул к двум своим канонирам. – Картечью не можно стреляти, своих же побьем. А ось ядром вдаримо.

Единорог гулко рывкнул, посылая чугунный шар вперед, а орудийная прислуга уже банила его ствол.

– Осторонься! – и мимо Алексея протиснулись двое с порохом и новым ядром.

«Бам!» – и орудие ударило второй раз.

– Високо! Не можемо стріляти! – крикнул казак, указывая на наплывающий береговой склон.

– Ну, теперь мы уже и сами! – крикнул Лешка. – Благодарю вас, казаки! Людей поскорее сюда переправляйте! – и самым первым выскочил на песок.

– Скобелев, дели роту пополам, – крикнул он поручику, – заходите на ретраншемент с флангов и с тыла! Олег Николаевич, твоя Третья идет во фронт и поддерживает залегшую роту Хлебникова. Третью волну дожидаться нам некогда, если мы сейчас здесь затянем, то народу на берегу тьма ляжет. За мной, братцы! В атаку! Ура!

– Ура-а! – грянули две сотни глоток, подбегая к залегшей Первой роте.

Из трех кончебасов батальонные канониры с матюгами вручную выгружали на берег фальконеты. Вот одна, вторая, третья пушечка встали на свои колеса и потом покатали вперед. А с ретраншемента все били и били вниз ружья турок.

«Бам!» – ударила османская пушка, и рой картечи со свистом полетел вниз.

– Лекаря, лекаря! – закричали сразу несколько голосов.

«Бам! Бам! Бам!» – били в ответ с реки орудия кончебасов.

«Бам! Бам!» – звонко ударили и два первых выкаченных вперед фальконета. Как бы ни был мал их калибр, однако вой картечи заставлял турок нервничать и сбивать свой прицел. Да и продолжал все еще сказываться фактор неожиданности ночной атаки.

– Ура! – донесся клич с обеих боковых сторон холма.

– Братцы, вторая рота с пластунами вышла неприятелю во фланги! – крикнул Егоров. – В атаку, егеря! Самое время турка со всех сторон бить! За мной, волкодавы! Ура! – и бросился вверх по склону.

– Ура-а! – поднимаясь с земли, две роты егерей с ружьями наперевес ринулись вслед за командиром батальона.

В сотне шагов впереди сверкали всполохи ружейных и пушечных выстрелов. Казалось бы, каждый ствол сверху смотрит тебе прямо в сердце, прямо в твою мятушуюся душу. Вокруг так и свистел свинец. «Вниз! Скорее вниз! Вжаться целиком в эту спасительную землю!» – кричало все человеческое естество. «Нельзя! Только вперед! Ляжешь, и все за тобой вниз попадают, – отвечал ему разум. – Турки опомнятся и тогда весь берег перепашут картечью! Вперед!»

Он уже различал силуэты людей, стоящих у корзин, наполненных землей и камнями. Вот двое пригнулись и медленно сдвинули что-то тяжелое с места. Пушка! Алексей упал на одно



колени и, прицелившись, выжал спусковой курок штуцера. «Бам!» – ослепительно сверкнуло пламя, приклад ударил в плечо, и цель заслонило облачко от сторевшего пороха.

«Бам! Бам!» – рядом отрывисто хлопнули два выстрела.

– Ваше высокоблагородие, доби́ли мы с Велько канониров, – крикнул Афанасьев. – Пушек напротив нас нет, только лишь сбоку они палят!

– Вперед, Василь, гранаты готовь! – крикнул Алексей. – У тебя с ременной хорошо метать получается. Давай, земляк, забрасывай их, пока они не опомнились!

Одна, вторая праща с зацепленной за ушко гранадой улетели вперед за бруствер. Грохнули два взрыва, и егеря опять ринулись вверх по склону. «Хресь!» – не задерживаясь, Алексей влупил прикладом по голове выпрыгнувшего из земляного хода турка и, не останавливаясь, бросился дальше. А в траншеи уже запрыгивали солдаты в зеленых мундирах. На самой вершине холма из амбразур небольшой саманной крепостицы били ружья. Молоденький, без волчьего хвоста на каске егерь чуть слышно ойкнул и повалился рядом с подполковником на землю. Резко пригнувшись и упав на живот, Лешка перекатился и потом, привстав на четвереньках, перебежал под стены фортеции. Рядом, тяжело дыша, переводил дыхание Афанасьев.

– Что, Рыжий, целый пока, не испортили твою шкуру? – оскалился Лешка и рванул карман гранадной сумки.

– Ага, у меня шкура и так вся порченная, – хохотнул тот. – А так-то я целый, вашвысокблагородие! Только вот пустой совсем, у меня окро́ма пистолей все разряжено.

– Искру выбей! – Алексей протянул ему обе вынутые из сумки гранаты. – Да шустрее шевелись, Васька! Ну чего ты телишься?!

– Сейчас, сейчас, я мигом, вашвысокблагородие, – судорожно закивал тот и защелкал курком своего разряженного штуцера.

Вот заискрил, зашипел один селитренный шнур. Лешка приставил к нему фитиль и от второй гранаты. Потом резко вскочил на ноги и закинул чугунный кругляш в ближайшую бойницу.

– А теперь вам! – перебежал он к боковой стене и забросил в ее отверстие второй.

«Ба-ам! Ба-ам!» – глухо грохнуло внутри крепостицы, и из боевых оконцев выбило клубы черного порохового дыма.

– За мной! – Алексей ударом ноги вышиб внутрь фортеции покосившуюся дверь и один за другим разрядил оба своих пистоля.

– Вашвысокблагородие, посторонись! – Василий оттеснил подполковника и, выстрелив в дверном проеме, заскочил вовнутрь.

«Бам!» – хлопнул его второй пистоль.

– Чтобы не мучился! – кивнул он на лежащего возле дальней стены турка. – Все, Алексей Петрович, готовые они все, осколками их посе́кло. Взяли мы э́нти береговые укрепления!

### Глава 3. Конница атакует!

На всем холме и вокруг него сновали солдаты в зеленых мундирах. Они осматривали трупы, ставили на колеса перевернутые орудия, собирали брошенные ружья, боевой припас и амуницию. Всюду царила рабочая суeta. Вниз со склона, в сторону реки провели колонну пленных. Турки выглядели испуганными и подавленными. Четверо егерей несли на самодельных носилках своего раненого. Рядом шел лекарь второй роты.

– Тише, тише, ребята! – покрикивал он на носильщиков. – Не растрясите Демьяна, повязку ему с раны собьете, так ведь опять придется кровь унимать!

– Проща, чтоб тебя пчелы покусали! Где ты бродишь, обалдуй?! – донесся издали крик капрала. – А ну быстро сюды с киркою беги. Вот здесь, да вот тут еще траншеей нужно расширить, а здесь немного скос срежь! Канониры сюды скоро орудию турецкую от реки прикатят.

– Ваше высокоблагородие, мы большой овраг проверили, он там камнями и песком как раз посередке надежно засыпан. Турки туда еще и колючих кустов изрядно навалили, чтоб, значится, никто к ним с левого фланга неожиданно не зашел, – докладывал командир дозорной полуроты. – А вот с правого фланга, со стороны сгоревшей деревни, они эдак прилично ров углубили. Так-то не больно-то его легко даже и пешим перемахнуть, уж не говоря о конном. Если только по берегу, но так-то и там тоже рогатки выставлены. Во всяком случае, кавалерия уже точно возле реки не сумеет пройти. Да, и с западной стороны, с той, со степи, что у них раньше тыловая была, тоже ведь неплохой ровик имеется, пусть он даже и помельче всех прочих, но все же какой-никакой, а есть. Если нам там еще рогатками немного прикрыться и скос чуть подрывать, так и с запада можно будет тоже конницу не бояться.

– Да, вижу, Тимофей, вижу, все правильно ты говоришь, – кивнул Алексей, разглядывая подступы к взятым у неприятеля укреплениям. – Турки после нашего прошлогоднего десанта хорошо этот холм обустроили, если бы мы их не раздергали здесь со всех сторон и чуть бы замедлились со своей атакой, так просто бы они нам его уж точно не отдали. Как там деревня? Вся ли дотла выгорела? Целых изб совсем в ней не осталось?

– Только лишь три целые стоят, Алексей Петрович, – сообщил подпоручик. – Там, видать, начальство этих вот жило, – кивнул он на сложенные ряды трупов в турецких мундирах. – Все имущество свое на месте они побросали и на конях в степь ушли.

– Ну, глядишь, казаки и смогут их там догнать, – Алексей обернулся в сторону Буга. Там на берегу горели костры, и в предрассветных сумерках было хорошо видно, как наплывом из воды выскакивают на песок мокрые кони с людьми. Вот уже более получаса Бугский казачий полк Касперова форсировал эту огромную реку. Дело было нешуточное. Сколько бы ни тренировались станичники на Ингульце, но тут масштабы были совсем иные. Около версты водной поверхности состояла в этом месте ее ширина. Каждый всадник имел при себе кожаный мешок, завязанный у горловины, в него был сложен пороховой припас, и он же служил казаку поддержкой на воде. Особое внимание обращалось на то, чтобы конь при переправе чувствовал себя уверенно и не боялся воды. В противном же случае, испуганный, он мог легко наскочить на своего хозяина. А вот попади тот под его гребущие ноги на глубине, и исход был бы однозначно плачевным. Сотня за сотней выходила на правый берег. После переклички и небольшой сутолоки они устремлялись за командирами вглубь степи. У казаков было свое задание, они знали, что делать, и долго здесь у воды не задерживались.

Тут же на берегу заносили на чайки раненных при недавнем штурме. Батальон потерял в этом ночном бою три десятка убитых. Более пятидесяти егерей было ранено, правда, половина из них упростила своих командиров оставить их при своих ротах.

– Легонько, легонько только идем! Не трясите! – суетился возле лодок помощник главного лекаря Никерин. – Опанас, у тебя на баркасе два самых тяжелых лежат, их в первую оче-

редь на том берегу лекарям отдавайте. Кузьма, ты слышишь? Капралу водицы можешь дать! Ну все, давайте отчаливайте! – и он подошел к сидящему на корточках возле воды раненому. – Потерпи маненько, Ванюша, сейчас вот самых тяжелых лодки переправят и сразу же за вами сюда возвратятся.

Из сваленных на берегу куч военного имущества солдаты Пятой учебной роты доставали бочки с порохом, корзины и ящики с ядрами, мешки с картечными картузами, гренадами, патронами, свинцом и всем прочим. Взгромоздив все это где на плечи, а где на носилки, они затем гуськом шли вверх по натопанной уже тропинке. А наверху, в укреплениях, вовсю шла подготовка оборонительных фортеций. Поправлялись окопы и заграждения, расширялись имеющиеся уже позиции для стрельбы из захваченных турецких орудий и обустраивались новые. Сотни полторы солдат работали у подножия холма с шанцевым инструментом, углубляя ров. Тут же в землю забивались колья и рогатины, которые затем заострялись. Шагах в пятидесяти за рвом работали уже пионеры и старшие ротные оружейники. Они закапывали в землю большие фугасы кругового действия, наваливая на них сверху камни.

Возле самого рва, в нем самом и ближе к укреплениям ставили уже направленные фугасы. Работали минеры спокойно и сосредоточенно, только и слышались команды от старших:

– Еще углуби! Шпильку вставил?! Крепи! Бечевку к кольцу зацепляй!

– Василий, ты подарки для турок приготовил в деревне? – спросил своего главного оружейника подполковник.

– Ваше высокоблагородие, ребятки еще пока что там занимаются, – ответил тот. – Самых разумных во главе с Ильиным я туда отправил. Саввушка ведь у нас мастак на такое. Как-никак из поморов-промысловиков родом. Чай уж не оплошает!

В это самое время пятерка пионеров Второй роты заканчивала минировать последнюю уцелевшую от пожара хату.

– Все, что у кого осталось в мешках, прямо вот сюда складывай! – кивнул на середину горницы фурьер. – Во-от, тут оболочный фугас нам совсем даже ни к чему, и этот вполне себе сойдет. Стоит он устойчиво, с полом надежно мы его скрепили. Все, отходите теперь подальше от дома, братцы, мы с Харитоном вдвоем здесь останемся, – проговорил он, как только подчиненные выложили мешочки с пороховой мякотью. – Давайте, давайте, двигайте шустрее, времени на подготовку нам мало осталось, совсем скоро уже сюда турка подойдет. Харитоша, шпилечку в эту дырку вставляй, – подождя, пока пионеры отойдут подальше, спокойным баском сказал помор. – Только ты уж не трясись и, главное, не спеши, паря. Тут, в энтой вот самой трубке, замедление всего-навсего на счет пять будет. Ежели вдруг что не так сладим, то мы с тобой даже и мявкнуть не успеем.

Молодой егерь смахнул пот с лица и осторожно вставил металлическую скобу в отверстие.

– А вот теперь концы загни тихонько, – проговорил негромко помор. – Вот та-ак. Теперяча уже можешь выдыхать. Молодца! Все, шнур разматывай и на дверную ручку его подвесь. Я сейчас еще раз все здесь вокруг осмотрю и потом к тебе подойду.

На большом полуторапудовом фугасе лежало еще с дюжину мешков с порохом. Все еще раз тщательно ощупав, Савва подошел к наружной двери.

– Так, Харитон, а вот здесь мы оставляем на шнуре маленький провис, чтобы не в натяг все было и мы бы свободно руку в щель просунуть могли. Как знать, а вдруг нам приказ разрядить фугасы от начальства поступит, оконца-то тут, во-он, совсем уж маленькие. Просто так в них вовнутрь никак не влезешь, а на чердак с улицы карабкаться лень, – подмигнул он молодому пионеру. – А так мы сюда ладошку просунули, пошурудили ею там, где чего надо потрогали, и у нас все готово. И вовсе даже не опасно. Узел развязали, и можно будет спокойно в дом заходить. Все ли понятно?

– Так точно, господин фурьер, – мотнул головой подручный. – Все понятно. А бабахнуть сильно должно?

– Бабахает, Харитоша, гром по весне во время дождя, а у нас, у военных анжинеров, взрывается, – с усмешкой пояснил молодому Ильин. – Не сумлевайся даже, так рванет, что только лишь одна воронка на месте избы останется. Жалко, конечно, это строение, человеки ведь его для мирной жизни строили. Ну да они все или погибли от рук османов, или же с нами на русский берег о прошлом годе переправились. Так, все, шнур мы промерили, а вот теперь нам самое главное тут, у входа, осталось. Я сейчас иду тихонько к фугасу и вынимаю из него шпильку. А ты, Харитон, держишь дверь и не шолохнишься! Потом я, значит, протиснусь в проем, уберу лишний провис шнура и затяну узел. Тише, тише, паря, вот оно самое опасное-то сейчас дело и началось.

Фурьер протиснулся в дверную щель и, осторожно прикрыв ее, просунул в оставленный проем руку.

– Ага, ага, вот та-ак, – тихо бормотал он, шуруя рукой за дверь. – Ну-у, теперяча ты понял, почему я вас столько времени заставлял одной рукою узлы вязать? Во-от, то-то же и оно, вижу, что теперяча понял. Хоть левой, хоть правой, а хоть и с закрытыми глазами надобно это уметь. Все-е, – наконец выдохнул он и тихонько прикрыл дверь. – Фугас на взводе. А вот теперь уже и мы уходим.

Первый конный разъезд турок показался перед обедом. Пара десятков всадников погарцевали в отдалении и подскакали ближе к боевому охранению егерей. Из предкрепостного ретраншемента грохнул залп десятка ружей. Турки развернулись и, оставив на земле пять тел, усаkali в степь.

– Ну все, теперь жди гостей, скоро начнется, – проворчал унтер Пряхин. – И как это они только так быстро опомнились, там же вроде наши казачки резвятся в степи?

– Видать, Зиновий Иванович, что не удержали станичники эту степь за собой, – глубокомысленно проговорил самый старый в плутонге солдат. – Турки, небось, на них всю свою конницу кинули, а теперь вот и разведку сюды к берегу заслали.

– Может, ты и прав, Поликарп, а может, и шальной дозор сюда с юга залетел, – пожал плечами фурьер. – Поглядим, чего загодя-то сейчас балакать? Совсем скоро и сами уже все узнаем. Вы давай-ка работу заканчивайте, лопаты и кирки вон в тот окопчик сложите, фашины еще поправьте маненько и к обеду готовьтесь. Думаю я, что поспешать нам с ним нужно. А ну как потом времени не будет, чтобы поесть? А какой же это бой да на голодное брюхо? Неизвестно вообще, будет ли у нас сегодня ужин.

– Это да-а, все правильно Иваныч говорит, – загомонили солдаты, заканчивая работу. – Что для боя, что для страды или посевной завсегда мужику сила нужна!

– Дымком, чуete, как от реки тянет? – кивнул в сторону Буга умудренный жизнью унтер. – Там сейчас Пятая учебная кипятилок в котлах варит. Давайте-ка, братцы, по артелям разбивайтесь и по одному с котелками туда отправляйте, а остальные пока пологи расстелите, чтобы вытянуться и передохнуть можно было. Походный провиант из мешков доставать разрешаю, по четыре сухаря и по два куса вяленого мяса на рот выкладываете.

Алексей шел со старшими офицерами батальона вдоль укреплений. За несколько часов эту, ранее тыловую сторону, обращенную на запад к степи, удалось привести в божекий вид. Повсюду виднелись свежие подкопы земли, а на позициях блестели под жарким солнцем стволы трофейных пушек и переправленных по реке фальконетов.

– Сколько у нас всего здесь орудий, Сергей Владимирович? – задал он вопрос главному квартирмейстеру батальона.

– Турецких всего дюжина, Алексей Петрович, – ответил тот. – Из них только пять современной французской системы. Если под наш тип подвести, то это как полевые восьмифунто-

вые пушки будут. Так-то вполне себе они неплохие, наши оружейники их уже осмотрели и обиходили. Говорят, все они исправные и готовые к бою. Из остальных семи три неподъемные на огромных лафетах, как уж их сюда старые хозяева затащили – ума не приложу. Мы их так и не сумели пока на новые позиции перетащить. А вот четыре мелких, наподобие наших фальконетов, уже все на западную сторону выставили. Под них особо даже и не требовалось капоныры делать, так, только немного копанули ребятки и мешками с песком обложили.

– А французские, я смотрю, тоже еще не все переставили? – Алексей кивнул на две застывшие на вершине холма пушки.

– Да вот, ваше высокоблагородие, только эти-то и остались, – подскочив ближе, доложил Афанасьев. – Три точно такие же у нас уже в степь глядят. Сейчас, как только сборные расчеты отобедают, так и эти тоже на свое место выставим.

– С тяжелыми вы, наверное, не справитесь, Василий? – спросил его подполковник.

– Алексей Петрович, если мы целную роту в них впряжем в каждую, то, может, и сумеем перетащить, – почесал затылок главный оружейник. – Но там с устройством позиции ведь тоже нужно будет возиться, да и столько обученных людей, чтобы из них бить, у нас попросту сейчас нет. Едва-едва ведь на все остальные пионеров хватает. Я что предлагаю. А может, ну их, пусть они там же, где и сейчас, дальше стоят? Крайние два орудия вот только немного развернуть, чтобы они нам углы береговых скосов прикрывали. Оно, может, и не надо, да зато низинка у реки будет надежно защищена. Там всего-то нужно чуть боковины у холма срезать и потом сами лафеты на внешние стороны развернуть. Вот с этим мы вполне себе даже и справимся.

– А что, вполне себе здравая мысль, – задумчиво проговорил Живан. – Калибр у этих пушек большой, зарядить их все мелкой картечью, и за тот причал, где сейчас учебная рота у нас суетится, можно быть совершенно спокойным.

– Ладно, решение правильное, – согласился Егоров. – Не нужно вам, Афанасьев, эти громады на западную сторону перетаскивать. Делай так, как сам задумал и как господин премьер-майор сейчас посоветовал. Сергей Николаевич, – обернулся он к квартирмейстеру, – отправьте в помощь пионерам-канонирам какую-нибудь полуроту на свой выбор. Иначе они не успеют подготовиться к приему гостей. А ты, Василий, проверь, чтобы у всех орудий боевой припас был на несколько часов боя. Можешь у стрелков грамотных людей себе в помощь на все время сражения оставить, чтобы было у вас кому припас к орудиям подносить. А господин секунд-майор вам в этом поможет.

– Хорошо, сделаем, господин подполковник, – кивнул Гусев.

– Так точно, ваше высокоблагородие, все понятно! – вытянулся старший сержант. – Разрешите выполнять?

– Подожди пока, не спеши, Василий, – покачал головой Егоров. – Роты, вон, все обедают. Пойдемте-ка и мы подкрепимся, там вестовые прямо у реки нам полог постелили. И ты, Афанасьев, тоже с нами, – кивнул он старшему оружейнику. – Пошли, пошли, Василий. Ну вот куда пятишься? Мы тебя и там тоже вопросами помучим.

Вдали с западной стороны показалось облако пыли.

– Внимание! Из степи показалась кавалерия! – прокричал стоящий на крыше форта наблюдатель. – Много! Очень много ее! Большим полукругом она к нам идет!

– А кто это там? Может, то наши бугские казаки обратно к реке отходят?! – переспросил его старший унтер Дозорной полуроты. – Тебе для чего, Митяйка, зрительную трубу их благородия выдали?! А ну-ка давай по делу говори, кого ты там в ней видишь?!

– Федор Евграфович, так ведь не разглядеть еще покамест никого в этой степи. Все за этой плотной пеленой пыли скрыто! – ответил напряженно вглядывающийся вдаль солдат. – О-о-о, увидал, увидал я! – вдруг вскрикнул он. – Турки это, турки! Как пить дать турки ска-



чут! Вона, их флажки с конскими хвостами показались! А в самой середке и большое знамя османское полощется на ветру. Точно вам говорю, братцы, турки!

– Батальо-он, к бою-ю! – разнеслась команда по всему холму.

Всюду вокруг пошло шевеление. Стрелки выскакивали на свои позиции и проверяли пороховую затравку на полках ударных замков. Канониры поправляли прицел своих орудий. Пионеры выскочили из ретраншементов и заняли вырытые загодя небольшие окопчики перед основной линией укреплений. Вслед за Егоровым на крышу центрального форта забежали главный квартирмейстер и особая команда отборных стрелков. Место каждого было уже заранее определено, и они теперь сноровисто раскладывали патронные подсумки и оружейные приспособы за укрытиями.

Алексей раздвинул колена своей подзорной трубы и вгляделся в массу наступающей кавалерии.

– Один, два, три... девять, десять тугов (небольших сотенных знамен), – насчитал он уже навскидку.

А ведь это он еще не все, что там были, похоже, разглядел. А вот и два больших знамени алаев полощутся на ветру. Две тысячи кавалерии – неслабо для самого начала!

– Квартирмейстер, счет! – крикнул он Гусеву.

– Дистанция – девять сотен шагов, два размоточных шеста они уже прошли! – отозвался секунд-майор.

– Полевые орудия, ядрами огонь! – скомандовал Егоров, и пять французских пушек выстрелили одна за другой.

Первое ядро ударило в землю за сто шагов до конницы и, как видно, отприкошетило вверх. Попаданий двух вообще не было видно. А вот пара следующих натворила бед, войдя в самую гущу наступающих.

– Восемь, семь сотен шагов, – отсчитывал расстояние до цели квартирмейстер.

«Бам! Бам! Бам!» – ударили из длинноствольных штуцеров пристроившиеся рядом отборные стрелки.

– Все пушки заряжены! – громко доложил Уфимцев.

– Из всех орудий, залпом огонь! – скомандовал подполковник.

Канониры поднесли пальники к затравочным отверстиям. Пять «французов» и все девять фальконетов ударили ядрами по приближающимся из степи туркам. Здесь убойность была уже гораздо выше, чем прежде. На землю упало более двух десятков разможенных чугунными шарами всадников и их коней. А егеря-артиллеристы уже заряжали свои орудия картечью.

Стрелки рот, стоя за брустверами окопов, за мешками с песком и фашинами, отжали курки своих ружей и теперь целились в приближающуюся к ним лавину всадников.

Тишка совместил мушку с откидным целиком своей длинноствольной прусской фузеи.

– Далековато пока, – пробормотал он, выравнивая дыхание.

Так же выцеливал из своей «тульской» стоящий рядом с ним друг Федот. Через два шага, привалившись на мешок с песком, вжимал в плечо приклад валлонского штуцера и командир их плутонга фурьер Щепкин.

– Пять сотен, четыре с половиной, четыре сотни! – доносился счет с крыши форта.

– Не бой-ись, братцы, – успокаивал своих стрелков и пионеров Велько. – Не доскачут они до нас, ров-то здесь очень хороший. Прилично мы его углубили. Цельтесь, главное, лучше, сейчас уже команда к стрельбе будет.

Дозорный десяток, лежа в окопе боевого охранения вместе с пионерами-минерами, глядел расширенными глазами на накатывающую лавину конницы.

– Штуцера, огонь! – разнеслась команда, и егеря выжали спусковые крючки своих нарезных ружей. Более сотни пуль вылетели залпом из винтовальных стволов.

Первый ряд наступающей кавалерии словно бы скосило, но кони следующих за ними, стоптав павших, вынесли своих всадников дальше.

– Три сотни, две с половиной, – донеслось до окопа охранения. – Огонь!

Полтора десятка стволов из него грохнули и слились в общем ружейном залпе. Перекрывая отголоски громового раската, ударили ближней картечью и пушки. Рой свинцовых шариков с воем и истошным визгом вошел в уже расстроенные ряды, убивая и калеча там людей и животных. Конница турок замедлилась, а потом и вовсе остановилась у самого рва.

– Огонь россыпью, без приказа! – разнеслось по холму.

– Сейчас, сейчас, – прошептал Тишка и протолкнул пулю шомполом в дуло. Щелкнул взведенный курок, и вот он уже, вскинув фузею, прижал ее приклад к плечу.

Несколько десятков турок спешили с коней и бросились ко рву. Палец выжал спусковой крючок. Вспышка, грохот и толчок отдачи ружья слились воедино, а один из бегущих выронил свой карабин и рухнул на землю. Гремели россыпью выстрелы, и турки падали, падали на эту песчаную степную землю, орошая ее кровью. Только лишь две дюжины всадников сумели заскочить в ров, бежать дальше под пули им уже не хватило духу. Потрепанные сотни османской кавалерии, развернувшись, понеслись прочь, а вслед им все гремели выстрелы.

– Эй, осман. *Pes etmek!*<sup>7</sup> – крикнул из окопа передового охранения Велько. – *Ellerin havada dışarı çık. Dokunmayalım!*<sup>8</sup>

Несколько человек выскочили из рва и бросились прочь, в сторону степи. Грянул короткий залп, и все они рухнули на песок.

– *Dışarı çık dediler, şimdi grenada atacağım!*<sup>9</sup> – пообещал Велько. – Считаю до пяти: *bir, iki, üç!..*

– *Vurma! Biz dışarı çıkıyoruz!*<sup>10</sup> – раздалось из траншеи. И на ее бровку один за другим вылезли два десятка турецких кавалеристов.

– Карабины и сабли на землю! – скомандовал Велько. – *Silahlarınızı bırakın! Eller yukarı!*<sup>11</sup> – и он демонстративно пристегнул к своему штуцеру кинжаловидный штык.

На землю один за другим полетели сабли, карабины и пистолы. Подняв вверх руки, турки медленно пошли к русскому окопу.

– Мартын, Ванька, берите пленных под конвой и ведите их к господину подполковнику, – скомандовал унтер. – Всем остальным осмотреться и перезарядиться. Считайте, братцы, что у турок это была сейчас разведка. А вот следующая будет атака, и она уже такой легкой не будет.

– Живан, ты хорошо их язык знаешь, вот и допросите с Радованом этих, – Алексей кивнул на приведенных под конвоем турок. – Узнай: откуда они, с каких алаев и где раньше располагались? Что там с нашими казаками случилось, тоже спросите. Какова обстановка в крепости и вообще какие у османов там силы.

Пока премьер-майор с поручиком занимались пленными, Егоров прошелся по позициям батальона. Воспользовавшись затишьем, солдаты пополняли боевой припас и улучшали укрепления.

Канонир Авдей закинул в подставленный мешок еще три лопаты песка с камнями и кивнул солдатам:

– Все, хватит, завязывайте горловину и тащите, ставьте его на место, братцы. Следующие!

Двое егерей развернули горловину нового мешка, и он засыпал туда первую лопату грунта.

---

<sup>7</sup> Сдавайся!

<sup>8</sup> – Выходи с поднятыми руками! Не тронем! – *тур.*

<sup>9</sup> – Сказали, выходи, сейчас гранату брошу! – *тур.*

<sup>10</sup> – Не стреляйте! Мы выходим! – *тур.*

<sup>11</sup> – Бросай оружие! Руки подняли! – *тур.*

Старший оружейник первой роты Дудов хлопнул по верхнему, только что уложенному ряду мешков.

– Вот сюды, поверх этих укладывайте. Еще пяток по краям ляжет, и наша пушечка как раз со всех сторон нам по грудь будет укрыта.

– Ну что, Никита, как тебе французенка будет? – спросил, остановившись подле орудия, Егоров.

– Да так-то ничего, ваше высокоблагородие, пушка годная, – с достоинством ответил унтер. – Заряжается она, конечно, чуть дольше наших единогогов, но вот в остальном нисколько их не хуже. Прицельные приспособы у нее, пожалуй, даже и удобнее будут. Что еще тут... – почесал он задумчиво щеку. – Лафет здесь маненько тяжелыше, да зато орудие так не брыкается при выстреле. Но это уже так-то не существенно все. Ничего, мы только пять раз сегодня из нее успели выстрелить, только было приноровились, а тут уже и турки припустились назад. Первое-то ядро у нас вообще с недолетом в землю перед конницей ударило, да зато все остальные хорошо эдак в цель попали.

– Ну-ну, молодцы, – похвалил своих артиллеристов подполковник. – Видел я, как вы хорошо картечью два своих последних заряда положили. Словно бы просеку ими в лесу вырубали. Ладно, не буду вас от дела отвлекать. Готовьтесь, Никита, совсем скоро здесь сильно жарко будет. Сейчас турки немного оклемаются и потом опять на наш холм полезут.

– Алексей Петрович, всех раненых на тот берег мы переправили, – доложил подошедший к командиру батальона интендант. – Мазурин со своими лекарями всех там сразу же обиходил и потом их по шатрам разместил. Боевой припас мы лодками доставили столько, сколько и планировали, и даже еще с избытком навезли. Последние две чайки уже шанцевый инструмент переправили, так что для починки укреплений его нам тут вполне себе хватит. Как там, Алексей Петрович, скоро ли новый приступ нам стоит ждать?

– Думаю, что долго тянуть турки не будут, Александр Павлович, – ответил Егоров. – У их начальства ведь никакого понимания нет, что мы за этот берег лишь малыми силами зацепились. Должны они будут попытаться нас выбить, покамест здесь понтонная переправа основательная не встала.

– Значит, боевого припаса нам поболее сюда надобно довести, – думая о своем, пробормотал Рогозин. – Понял, Алексей Петрович, пойду я на берег, там запорожцы отдыхать улеглись. Устали они веслами махать, однако нужно поспешать.

– Хорошо, Александр Павлович, – кивнул Егоров. – Только пленных турок на тот берег с собой вывезите, их как раз сейчас братья Милорадовичи допрашивают. Нечего им здесь под ногами у егерей путаться.

– Вижу вдали кавалерию! – донесся крик от форта. – Идет в нашу сторону медленно, не так, как в прошлый раз.

– Вот и начинается, – вздохнул Алексей. – Я думал, у нас еще часа два есть в запасе спокойных. Похоже, что спешат турки, видать, начальство их торопит. Ладно, Павлович, занимайся интендантским делом, у тебя вся учебная рота сейчас под руками. Мы ее до самого края постараемся не трогать, а может, даже и вовсе не придется. Ну что там, Митяй? Кого увидал? – спросил у наблюдателя поднявшийся на крышу форта подполковник.

– Ваше высокоблагородие, три колонны я там углядел, – доложил тот. – Они как бы со стороны южного тракта сюда, в нашу сторону, идут. А вот с запада, из степи, широкой полосой, как и давеча, подступают.

– Да, точно, похоже, что кавалерия с юга на нас вышла, – всматриваясь в подзорную трубу, негромко произнес командир батальона. – По времени как раз так и получается. Эти три-четыре десятка верст пути, да по хорошей равнинной дороге. А это что означает, а, Сергей Владимирович? – обернулся он к квартирмейстеру.

– Что мы выманили на себя южную группировку турок? – предположил тот.

– Точно! – кивнул Алексей. – Турки перебрасывают свои войска с того самого места, где они стояли напротив нашей дивизии, оголяя тем самым правый фланг всей линии. Это сейчас сюда выходит кавалерия, а значит, что к ночи можно будет ожидать и пехоту. А с запада, похоже, те два потрепанных алая, что ранее нас атаковали, приближаются. Живан! – крикнул он. – Гоните пленных на берег, хватит там с ними беседы разводить! Есть что-нибудь существенное?

– Немного, Алексей Петрович, – мотнул головой тот, поднимаясь по лестнице. – Все эти люди из двух алаев сипахов, что стояли у реки Березань в двух десятках верст западнее Буга. Конные алаи прикрывали большой участок степи и приречья. Рассказывают, что сначала они отогнали наших прорвавшихся в степь казаков на север, где уже с ними потом схватились другие конные полки. А вот их алаи командование развернуло и бросило на русский десант, надеясь не дать ему укрепиться, пока они подтягивают сюда подмогу.

– Они что-нибудь знают про количество войск и про общую обстановку на всей этой линии? – спросил Егоров.

– Нет, – покачал головой Живан. – Тут среди всех захваченных только лишь один десятник оказался, а все остальные – это самые обычные, рядовые всадники. Что они могут знать, кроме своей родной сотни? В лучшем случае командира алая, да и то, как я погляжу, далеко не все. Прибыли они сюда еще в декабре, когда закончилась Кинбурнская баталия. В марте месяце пополнились, но и то лишь частично. Говорят, что у них в сотнях около трети людей не хватает. Вот и все те сведения, что нам удалось добыть.

– Ладно, понял, – кивнул Алексей. – Вон к нам сколько гостей уже идет. И ведь не скажешь, что незваные.

– Лишь бы угощения на всех хватило, – усмехнулся Милорадович.

Колонны противника остановились на расстоянии версты от холма, где к ним примкнули те всадники, кто выезжал со стороны степи. Минут двадцать ничего не происходило. Как видно, начальство турок совещалось, а подчиненные ждали его команды. Ждали и егеря, с тревогой вглядываясь вдаль. По всему было видно, что силы сюда неприятель кинул большие. Наконец все вдаль пришло в движение. Огромная масса кавалерии накатывала по центру.

– Мудрят турки, – проворчал, покусывая ус, сержант Опарин. – Где же они на конях-то тут пройдут? Везде овраги да рвы. Это тебе не ровная, голая степь. Точно вам говорю, вашбродь, чегой-то они мудрят.

– Ну, ничего, поглядим сейчас, что они там задумали, – Радован пристроил поудобнее на мешке с песком свой штуцер, а рядом с ним положил пистоль. Ты, Селантий, за правым скатом, главное, почаще поглядывай. Там рогаток понаставили, однако на самом-то берегу ведь рва у нас нет. Как бы эти мудрецы туда не прорвались.

– Понял, господин поручик, есть приглядывать за берегом, – кивнул унтер и прижал приклад ружья к плечу.

– Расстояние до цели – девять сотен шагов! – донеслось начало отсчета с крыши форта. – Восемь сотен!

– Орудия, огонь!

«Бам! Бам! Бам!» – рявкнули пять полевых пушек, посылая вдаль свои ядра.

– Семь сотен!

Защелкали выстрелы длинноствольных дальнобойных штуцеров отборных стрелков.

– Шесть сотен! – отсчитал очередную пройденную отметку секунд-майор Гусев.

– Штуцера, огонь! – скомандовал Егоров, и раздался залп винтовальных стволов. Вслед им ударили ядрами перезаряженные полевые пушки и фальконеты. Турки надвигались на холм неспешной рысью. Падали и бились в агонии люди и кони, по ним прокатывались новые боевые порядки, а бреши сразу же закрывались.

– Хорошо идут, – Радован сплюнул кончик бумажного патрона и сыпанул часть пороха в ударный замок. Закрывая его, щелкнул крышкой и потом высыпал остатки в дуло. – Спокойно, как на маневрах, – проворчал он и протолкнул полукруглую с выемкой в тыльной части пулю в ствол.

– Четыре сотни! – донесся крик главного квартирмейстера.

– Ничего, отобьемся, вашбродь! – пробормотал Опарин, выцеливая байрактара с бунчуком.

– Конечно, отобьемся, – поручик выдохнул и, щелкнув курком, совместил мушку на целике.

– Огонь! – донеслась команда, и Радован выжал спусковой крючок. В общем залпе и застилавшем все вокруг пороховом дыму разглядеть свой личный результат было практически невозможно. Но вот облако чуть сместилось вбок, и на том месте, где только что скакал высокий сипах, теперь уже было пусто. Сразу несколько сотен турок было выбито пулями и картечью, а их места занимали все новые всадники.

– Огонь без команды, по своему прицелу! – выкрикнул Егоров. – Всей своей массой давят! – проговорил он, орудуя в стволе шомполом. – Если мы сейчас в этой атаке выстоим, то потом, до подхода османской пехоты, нам гораздо проще будет.

Атакующие были уже в ста шагах от рва. Стрелки с гладкоствольными ружьями успели перезарядиться и теперь били неприятеля на выбор. Шагов за двадцать от рогаток несколько сотен всадников спрыгнули со своих коней и с ружьями, саблями в руках ринулись вперед. Остальные прикрывали их сзади, ведя огонь из коротких карабинов и пистолей прямо из седел.

Штуцер выплюнул тяжелую пулю, и не добежавший до рогаток турок рухнул на землю. В самую гущу наступающих ударили и перезарядившиеся орудия русских. Мелкая картечь выбивала пыль на песке и опрокидывала целые десятки. Но около трех сотен кавалеристов все-таки проскочили вперед и начали разбрасывать перед собой рогатки и колья, освобождая путь для конницы.

– Васька, пора! – крикнул побледневший Лужин. – Сейчас они рогатки раскидают, ров перемахнут и на нас здесь навалятся. Всех на куски порубят!

– Давайте, братцы! – Афанасьев энергично кивнул головой и дернул зажатый в руке шнур.

«Бабах!» – оглушительно грохнул первый большой фугас. Вместе с наваленными поверх него камнями разлетались в стороны свинцовые шарики и металлическая обреза. Вслед за первым взрывом грохнули еще два. Около сотни наступающих побило осколками, и самое главное – это то, что назад отшатнулась вторая волна всадников, видя, как гибнут их товарищи. Лишь около полутора сотен атакующих достигли рва и, запрыгнув в него, затаились, готовясь продолжить штурм.

– Гренадами бей! – скомандовал Лужин и закинул одну за другой две свои в глубокую траншею.

Не выдержав плотного прицельного огня и деморализованные работой мощных фугасов, турки откатывались от занятого русскими холма в степь. На месте недавнего сражения лежало более трех сотен окровавленных тел. Множество раненых и покалеченных стонало и оглашало своими криками подступы к русским укреплениям. Особенно страшная картина была возле западного рва и в нем самом – там, где осколки пары десятков гранад буквально разорвали тела атакующих.

– Оказывайте помощь тем, кому еще можно, – распорядился Алексей. – Самойлов, выносите всех живых турок вон за тот дальний изгиб оврага. Вам работы у нас, слава Богу, покамест вовсе нет. Трех егерей только лишь шальными пулями подранило. Так что твоя учебная рота пускай пока здесь поработает. К раненому врагу тоже сострадание нужно иметь. Хотя,



конечно, мало кто из них выживет, – вздохнул он, слыша стоны увечных. – Жара, грязь. Как уж их там свои обиходят? Ну да ладно, хоть какой-то шанс выжить, а все же будет у людей.

Три часа выносила Пятая учебная рота раненых турок в указанное командиром батальона место. И только под вечер к лежащим у оврага страдальцам подъехал разъезд сипахов.

## Глава 4. Разведка

В сумерках конница турок предприняла еще одну атаку. Потрепанные алаи заходили с трех сторон и после нескольких пушечных и ружейных залпов быстро откатились назад.

– Что-то странно османы вели себя. Вы не находите, господа? – спросил находящихся на крыше форта офицеров Гусев. – Шли россыпью и со всех сторон. Покрутились, постреляли немного и сразу же назад.

– Похоже больше на разведку это было, – предположил Милорадович. – Не знаю, как вы, а я заметил, что с флангов они дальше всего зашли, зато по центру от степи только лишь одну суету наводили.

– Очень даже может быть, что это как раз таки и была разведка боем, – согласился со своими заместителями Егоров. – Обожглись перед этим в навальном штурме, а теперь вот выискивают у нас слабое место. На наших флангах полуроты Кулгунина и Дементьева стоят, обеими ими старшие унтера командуют. Слева и справа мы подступы рвами и рогатками укрепили, однако неизвестно, что же далее неприятель будет предпринимать. Пройдись-ка ты еще раз по всем предместьям, Живан, возьми, вон, с собой Афанасьева, пусть его пионеры хоть еще пару фугасов на боковых скатах заложат.

– Понял, сделаю, – кивнул премьер-майор и спустился вниз по лестнице.

Майский день подходил к концу. Солнце своим оранжевым диском задело за край горизонта, и небо начало постепенно тускнеть. На Прибугскую степь накатывали ранние сумерки.

– Тимофей, готовь к поиску сразу несколько своих групп, – ставил задачу командиру дозорной полуроты Егоров. – Пусть твои пластуны вблизи все окрестности внимательно оглядят, по моим прикидкам, сюда вот-вот уже должна пехота турок подтянуться. Да и кавалерия их еще пока сохранила свою боеспособность. Мы ее, конечно, прилично потрепали, но она при грамотном применении все равно продолжает быть опасной. Вот и разведайте, что там турки готовятся против нас предпринять. Пусть твои ребятки в бой только не ввязываются и действуют скрытно. Если вдруг их обнаружат, то прикрыть уж точно не получится, сам понимаешь, в открытой степи и роту, и батальон легко кавалерия посечет. Так что предельная осторожность и внимательность – это залог вашего успеха.

– Понял, Алексей Петрович, – кивнул подпоручик. – Есть действовать с особой осторожностью!

– Братцы, мне нужно отобрать всего три десятка людей на сегодняшний ночной поиск, – объяснял своей выстроенной полуроте Осокин. – Пойдут в него самые опытные. Тут уж не обессудьте. Старшим в первой группе будет сержант Лужин.

– Я! – откликнулся смуглый унтер со следами ожога на лице.

– Выходи из строя, Федор Евграфович, и подле меня вставай, – кивнул ему подпоручик. – И все остальные, кого я сейчас выкликну, тоже рядом с сержантом вставайте. Подпрапорщики Быков Егор и Вучевич Лазар, капрал Соловьев, вот вам, стало быть, старшими в остальных группах и быть.

Дождавшись, когда все вызванные присоединились к Лужину, командир полуроты обратился к унтерам:

– Набирайте по шесть-семь человек в свою группу. Потом вам будет немного времени на подготовку, на переодевание и сборы, но чтобы уже через час все вышли в поиск. Соловьев, твоя группа идет южнее за ту сторону оврага. Лазар и Быков, вам по самому центру в степь отправляться, откуда на нас конница ранее накатывала. Федор Евграфович, ну а тебе, выходит, в сторону деревни нужно свой путь держать. Держаться в поиске сторожко, братцы, турку ни в коем случае не будоражить, только лишь в оба глаза глядеть и хорошо слушать, – пояснял задачу командир батальонных разведчиков. – Далеко от холма не отдаляться, чтобы если вдруг

вас обнаружат, то вы бы смогли быстро к нему обратно вернуться. Версты на три, я думаю, вам зайти вполне даже достаточно. Как раз там уже и стоят османы, – кивнул он в сторону видневшихся вдали костров.

Ваня перебежал от своего куста за другой, чуть поменьше, и резко упал на землю. Раздался топот, и с закатной стороны показался конный отряд. Замерев, Соловей слушал, как всего лишь в двадцати шагах от него проскакал небольшой отряд всадников. Вот стук копыт стих, и он, сев на корточки, закинул край сетки назад, освобождая лицо. Насторожившись, словно барский охотничий пес, капрал, медленно поворачивая голову во все стороны, слушал степь. Вокруг все было тихо. Только сзади, откуда он только что пришел, послышалось какое-то шепуршание.

– Все сюда! – приглушенно скомандовал Соловьев, и к нему подбежали шесть полусогнутых фигур в таких же, как и он, сетках. – Пастух, Дрозд, видите, впереди что-то чернеет? Там с десятков деревьев словно бы островком небольшим стоят. Тихо там пока все, если бы кто и был, так я бы услышал. Забегаете тихонько в заросли, осматриваетесь и подаете нам сигнал. Дальше еще немного пройдем, и уже скоро дорога будет. Вот она нам как раз-то и нужна.

Пара пластунов, низко пригнувшись, проскользнула вперед, а пятерка егерей, сжимая ружья, замерла на месте, вслушиваясь в звуки ночи. Прошло совсем немного времени, и до них донесся щебет и посвистывание маленькой птички камышовки.

– Савелий птицей поет, – кивнул Фрол в сторону деревьев. – Он один у нас такой умелец птиц передразнивать.

– Вперед! – махнул рукой командир, и егеря бросились к небольшой рощице.

– Вань, тут все вокруг тихо, – докладывал старшему группы один из пластунов. – Следы только вот совсем свежие от копыт и конские яблоки еще прямо горячие. Видать, тот десяток, что совсем недавно мимо нас проскакал, как раз вот тут маненько постоял. А вон правее погляди, там османский лагерь виднеется, – махнул он рукой в сторону множества костров. – Ближе к нему вроде еще одна рощица, поболее, чем эта, есть. Можя, нам по ней подкрасться поближе к туркам, да и послушать, чего они там балакают?

– Нет, так не пойдет, – покачал головой капрал. – Там, по этим рощам, возле лагеря как раз-то караулы османов и должны стоять. Да и вообще, вся эта сторона за группой Лазара закреплена. Еще в такой-то вот темноте да на своих же натолкнуться не хватало и шумануть! У него ведь ребятки тоже хорошие подобрались, как раз самому сербу под стать. Мы только лишь мешаться другу дружке там будем. Нет уж, давайте-ка мы, братцы, левее от лагеря будем забирать, к самому тракту. Дрозд, Пастух, вы, как и обычно, впереди идете, а мы в паре десятков шагов за вами. Все, братцы, отдохнули? Ну а теперяча пошли!

Примерно через версту пути от впереди идущей пары раздался чуть слышный свист, и шестеро пластунов упали на землю. Все вокруг было спокойно, и, немного послушав, Соловьев махнул рукой. Уже ползком, сильно сторожась, добрались они до передней пары.

– Ну, чего у вас там? Почто шуманули? – спросил у Дрозда капрал.

– Тихо! Дорога совсем рядом! – прижал тот палец к губам. – Только что вот перед вами пехотная колонна здесь прошла, а сейчас опять все стало спокойно.

– Пехота? – с интересом переспросил капрал. – Кто такие, сколько их там было, разглядели?

– Да откуда! – с досадой мотнул головой разведчик. – По шуму – так гораздо больше роты. Мы только подползли, а они все еще шли. Вот уже перед вами только-только замыкающий отряд проследовал. Я чего, Вань, шуманул-то? Там пара на обочину вышла и чего-то по-своему лопотала. Но ведь я же не сподобился, вот как ты, их поганый басурманский язык выучить, – виновато вздохнул Дрозд. – Поэтому и не разобрал ничего. Боялся: а вдруг вы покажетесь, и они вас сумеют углядеть, потому и просигналил тревогу. Но они свое дело на обочине сделали

и вслед за остальными ушли. Можно было их, конечно, и попытаться взять. Да хоть даже и одного. Но ты ведь сам загодя нам сказал, что надобно тихо тут действовать.

– То был приказ самого командира батальона, – подтвердил капрал. – А ты, Савелий, ничего вообще у них там не сумел разглядеть? Ну, может, по амуниции там, по оружию? Как одеты хоть они были? Ты же ведь самый зоркий здесь среди всех нас.

– Дык, вроде все как обычно, – почесал голову Дроздов. – Турки – они и есть турки, да и темно там было, только лишь одни колпаки на башках у них белели.

– Колпаки-и? Какие такие колпаки? – приглушенно переспросил его капрал. – А ну-ка давай теперяча вспоминай!

– Дык белые, говорю же я. Оттого-то их и сумел разглядеть, – пожал тот плечами. – Такие они, как бы круглые, повыше наших касок, и позади у них махра какая-то прицеплена, словно бы светлое полотенце. Но я не шибко это уже разглядел, а вот какой цвет у мундиров, так и вообще даже не понял.

– Вот же ты балда, Савелий! – ударил его по плечу капрал. – Колпаки, махра сзади, – передразнил он егеря. – Еще и пластуном зовешься! Хвост, вон, на свою каску заработал за храбрость. Это же янычары были, дурила! Самые что ни на есть настоящие янычары! И головной убор у них точь-в-точь такой, как ты и рассказал. А это уже все очень интересно, брат. Значится, сурьезное войско супротив нас здесь собирается. Так что будет теперь чего их высокоблагородию нам докладывать. Полежим еще маненько, поглядим, а потом и обратно пойдем.

По дороге прошли еще две пехотные колонны. Издали, с южной стороны, послышался какой-то стук и скрип. Капрал, заслышав его, напрягся и подполз ближе к дороге.

– Там лежите, на месте, я сам здесь буду! – крикнул он сунувшимся было за ним егерям.

Набросав поверх сетки траву, Иван слился с растительностью, а мимо одна за другой уже прокатывали конные передки.

– Одна, вторая, третья... – тихо шептал он, пересчитывая проезжавшие пушки. – Вот оно как, восемь орудий здесь было. Все такие же, как и у нас на холме.

Мимо, буквально в пяти шагах от него, шли рядовые топчу – турецкие артиллеристы. Ехали верхами люди начальственные. Катили на обозных повозках орудийная обслуга и османские интенданты. И никому из них не приходило сейчас в голову, что тут, совсем рядом с ними, затаились русские егеря, зеленые шайтаны, как они их называли, готовые в случае чего дорого продать свою жизнь.

– Мишаня, ползи вперед, – кивнул в сторону сгоревшей деревни Цыган. – Ты уже не раз здесь ранее с дедом бывал, хорошо всю местность в этой округе знаешь, а мы все за тобой будем держаться. Ты, главное, не спеши, послушай хорошо, оглядись, а уже потом и дальше ползи. Потом опять замри, снова послушай, и ежели все спокойно, то нам рукой махни и опять вперед, – наставлял батальонного вольноопределяющегося Лужин. – Никак не могут турки эту деревню стороной обойти. Как-никак тут на уцелевшей околице у них ведь ранее большое начальство жило.

Места эти действительно для Михаила были знакомые, не раз с родителями или с дедом ходил он в это село из своего рыбацкого хутора. Здесь ранее жила вся его многочисленная родня, были тут друзья и товарищи. Теперь же всю эту окружающую местность было не узнать. Повсюду виднелись обгорелые развалины хат, из которых торчали вверх черные остовы печей и их дымоходные трубы. Валялись вокруг поломанные плетни, жерди и всякий мусор. Михаил взял немного левее, обползая развалины какого-то хлева, и чуть было не натолкнулся на пятерых турок. Они прошли буквально в десяти шагах от разведчика к развалинам и, немного их поворошив, выбрали из куч сохранившиеся куски дерева.

– Быстрее, быстрее! – поторапливал четверых работающих тот турок, что был в турбане. – Сейчас субаши орать начнет, за то что мы здесь долго копаемся! Скоро уже комутан

алая подъедет, а у нас еще даже вода в котле не закипела! Муса только-только вот начал барана разделявать.

Работающие что-то проворчали в ответ, и вот, наконец, вся пятерка потянулась в ту сторону, откуда она только что недавно пришла. Миша приподнялся и перебежками проследовал вслед за ними.

На околице расседывали коней сипахи. Здесь уже горело несколько костров, возле которых сутились люди. Неподалеку чернели небольшими открытыми окнами и три уцелевшие хаты.

– Что там, Мишаня?! – перебежав улицу, в бурьян возле Леонтьева упал сержант. Вслед за ним полукругом с ружьями наготове пристроились и все остальные пластуны.

– Да вон, Федор Евграфович, похоже, что новые хозяева уцелевших хат вернулись, – кивнул на снующих турок Мишка. – От заготовщиков дров я прослышал, что начальство они свое ждут, командир алая, видишь ли, у них голодный. А эти, стало быть, к его приезду спешат, стараются. В избы-то, я гляжу, никто из них не заходит, все закрытые они стоят, а возле каждой по одному караульному уже встало.

– Вот и хорошо, что не заходят, – хмыкнул Лужин. – Саввушка мне рассказал, что они в них фугасы хитрые поместили. Простые-то солдатики у османов, небось, у костров ночевали, а в этих избах, видать, самое большое начальство ранее жило. Ильин сказывал, что внутри даже какие-то там ковры и цветастые тряпки были всюду настелены, и вообще там куча всяких вещей осталась. Вот и ждут они своих прежних хозяев.

– Очень может быть, Евграфович, – согласился с сержантом Леонтьев. – Вот мы и поглядим, что тут сейчас будет. Получится ли у пионеров чего-нибудь эдакое, антиресное.

– Поглядим, – усмехнулся сержант. – Я в Савву верю, как-никак с той войны еще с ним знаюсь. А вот сюда, похоже, на свое прежнее место потрепанный при десанте алай обратно возвернулся. И с этой же стороны, поутру, он же на нас, похоже, и наступать будет. Маненько еще тут полежим, посмотрим и потом обратно к батальону пойдем.

Хорошо освещенные разгорающимися кострами турки вдруг все засутились, а со стороны степи подошла колонна кавалерии. Высокий осман в тюрбане подбежал к подъезжающей группе всадников и, подхватив за узду коня у самого важного, начал что-то скороговоркой горланить.

– Видать, большому начальству докладывает, – усмехнулся Ефим. – А все остальные вона как вокруг них суется.

Действительно, все на околице села пришло в движение. Кавалеристы распрягали коней, отводили их в сторону и потом стреножили. Кто-то уже успел пристроиться возле костра, составив небольшие гладкоствольные карабины в пирамиды. Кто-то побежал с кожаными ведрами к ручью. А кто-то просто толкся на месте.

– Глядите, братцы, сейчас начнется! – Лужин в напряжении аж приподнялся со своего места, наблюдая, как несколько человек пошли к стоящим неподалеку избам. – Начальству, видать, несподручно со своими подчиненными на улице баранину жрать. Пошли они на коврах полежать да дух с дороги перевести.

Плетней на улице не было, все было открыто и хорошо освещалось разгоревшимися кострами. На глазах у замершей в бурьяне восьмерки русских егерей один из подошедших к хате турок резко дернул дверь за ручку и зашел вовнутрь. Вслед за ним туда же зашли еще двое. Одновременно открыли и еще одну хату, а Лужин шептал, загибая пальцы на ладони:

– Один, два, три...

На счете «шесть» оглушительный громовой раскат и волна горячего воздуха ударили по всем тем, кто был на околице. Просвистели осколки. Все инстинктивно прыгнули на землю, а сверху уже падали бревна, камни, земля и многочисленные обломки. С небольшим замедле-

нием гроыхнул еще один взрыв. На месте двух изб виднелись дымящиеся воронки. Третью, хорошо побитую, слегка покосило, но она все же выстояла на месте с закрытой дверью.

– Вот и полежали на коврах, – стряхивая с головы землю, пробормотал Ефим. – Ужась как сильно грохнуло! Это же сколько туда порохового припаса пионеры заложили?!

– Да им-то чего, они парни крепкие, а мешки у них глубокие, – хохотнул сбивающий с одежды песок Филипп.

– Так, все, хватит болтать! – оборвал шутки своих солдат Лужин. – Назад потихоньку пятимся!

– Евграфович, погодь, а может, прихватим кого-нибудь из этих с собой? – предложил самый опытный из рядовых разведчиков – Усачев. – А что, тут вона чего сейчас творится. Под шумок даже никто и не заметит.

На околице носились объятые паникой люди, скакали прочь кони. На земле лежали убитые и раненые. От места взрыва во все стороны разбегались те, кому посчастливилось уцелеть. «Бам! Бам!» – ударило несколько выстрелов из карабинов и пистолей. Ошалевшие турки, не понимая, что здесь вообще произошло, теперь отстреливались от невидимого им противника. В сторону егерей по бывшей улице села бежало полтора десятка человек. Только у троих в руках были карабины, у всех остальных при себе из оружия были лишь сабли на поясных ремнях.

– К бою! – скомандовал Лужин. – Бьем из ружей в упор, пару человек живыми забираем и потом тикаем отсюда! То-овесь!

Егеря привстали и быстро разобрали цели.

– Огонь! – крикнул сержант, и грохнул короткий ружейный залп. Человек пять повалились на землю, оставшиеся заматались, кто-то бросился назад по улице с криками: «Ruslar geliyor!» («Русские идут»). Кто-то кинулся в развалины. Трое замерли на месте, вскинув вверх руки, а двое выхватили из ножен свои сабли.

Лужин отбил штыком своего штуцера кривой клинок и, намереваясь проткнуть противника, уже дернул его вперед, но потом резко его отвел и принял следующий удар сабли на ствол. Заскрежетала сталь, а он влупил от души носком сапога турку промеж ног. Тот взвыл и, выронив саблю, упал на землю. Второго уже в это время проткнули штыками Филипп с Ефимом.

– Silahlar yere! Bunu kollarının altına al! Ve hayat pahalıysa peşimizden koşun!<sup>12</sup> – крикнул Лужин замершим с поднятыми руками сипахам.

– Быстро! Убью-ю! – закричал Филипп, поводя дулом с надетым на него окровавленным штыком.

До турок наконец-то дошло, что от них хотят эти страшные люди в накинутах поверх одежды сетях. Они скинули сабли, подхватили под руки подвывающего товарища и припустились за троицей русских. Пятеро егерей во главе с Лужином, перезарядившись, отступали последними. Момент был воистину критический. Соберись сейчас неприятель и вышли погоню, конец восьмерки разведчиков был бы неизбежен. На открытом месте да от сотни разъяренных всадников им бы ни за что не удалось уйти. Но судьба хранила отважных, командование алая было частично побито или ранено, а в рядах оставшихся в живых сейчас царил паника. Группа Лужина неслась к холму, подгоняя пленных.

– Федор Евграфович, а ты чего этого не приколот? – спросил, резко выдыхая воздух, Усачев. – Я же видел, как ты свой штык придержал и второй удар клинка на штуцер принял.

– А ты сабельку его видал, Капитош? – спросил сержант. – Вот то-то и оно, я ее тоже не сразу разглядел. А сабелька та знатная, такую простой десятник ведь не будет носить, ибо не по статусу ему она. Видал, он простоволосый? Похоже, тюрбан взрывом сбило, потому и

---

<sup>12</sup> – Оружие на землю! Берите этого под руки! И бегом за нами, если жизнь дорога! – *тур.*

не понятно, кто такой. А я так думаю, что он не менее как в сотниках состоит, а то, может, и повыше его будет.

– Ну да-а, – кивнул Усачев, покосившись на затрофеенную Цыганом саблю. – Истину ты глаголишь, Евграфович, хороший клинок, а я в сумятице-то даже и не разглядел. Еже чуток и сам бы его проткнул сбоку, пока ты там манерничал.

– Хорошие манеры! – фыркнул Филипп. – Ногой да по причинному месту. Ой-е-е-ей!

– Зато живой будет, – проворчал Лужин. – Может быть. Ежели мы до наших, конечно, сейчас доберемся. В противном случае его первым прирежем. Хватит болтать, быстрее бежим, ребята!

## Глава 5. Держаться!

– Господа офицеры, – Егоров обвел взглядом командиров подразделений, собравшихся в помещении центрального форта, – по тем сведениям, что нам принесли пластуны Дозорной полуроты, неприятель захватил нашу наживку. Помимо конницы к нашим позициям несколько часов назад по дороге с южной стороны вышла и османская пехота. Как минимум один ее полк составляют янычары. Разведчиками были замечены еще и орудия, очень похожие на те, что мы с вами захватили тут, на этом холме. Вы и сами знаете, какой нерасторопностью отличаются топчу у турок, так что со всей уверенностью можно делать выводы, что так быстро были именно те пушки французской системы, которые позволяют перевозить их на передках. Они ничем не уступают по скорости пехотинцам, а то даже и превосходят их. Поздравляю вас, господа, мы уже выполнили главное задание своего командования, заставив османские части уйти с места предстоящей высадки дивизии генерал-аншефа Суворова. По моим расчетам, его передовые отряды вот-вот начнут переправу на правый берег Буга. Даже если турки все поймут, им в любом случае будет нужно не менее десяти часов марша, чтобы возвратиться назад. Прибавьте сюда еще несколько часов хода гонца, и становится ясно, что сорвать переправу дивизии Александра Васильевича противнику уже не удастся. Да и мы, я полагаю, так просто не дадим им оторваться от себя. С часу на час я жду начала ночного штурма турок. Об их сосредоточении и подготовке к выходу как раз-то и доложила та группа пластунов, что вела наблюдение у главного лагеря. Нам будет трудно, очень трудно, – сказал со вздохом Алексей, оглядывая своих офицеров. – Неприятель собрал против нас огромные силы, и таких вот легких наскоков, как прежде, теперь уже ждать не приходится. Давить турки будут отчаянно. Ведь у них есть приказ своего командования во что бы то ни стало сорвать высадку русских на правый берег Буга и скинуть нас в реку.

Лица командиров подразделений, стоявших по бокам большой комнаты форта, освещались неровным светом факелов. Каждый из них и ранее имел представление, какое здесь будет непростое дело, но только теперь они уже полностью осознали всю его дерзость и масштабность. Страх или уныния ни у кого не наблюдалось, читалась лишь решительность, сосредоточенность и уверенность. Егоров другого от своих офицеров и не ждал. Только такие люди и могли служить в отдельном особом батальоне егерей. В его батальоне.

– Все, что могли, мы уже с вами сделали, господа, – продолжал совет подполковник. – Позиции укреплены, боевой припас получен и распределен по личному составу. На наиболее угрожаемых участках у нас заложены фугасы. Уповаю только лишь на стойкость и отвагу наших солдат и их командиров. А теперь предписываю всем убыть на боевые позиции, и да поможет нам Бог!

– Тихо-то как, Федор Евграфович, – проговорил чуть слышно Ефим. – Даже и не верится, что совсем уже скоро турка на нас полезет. А может, до утра подождет и, только позавтракав, начнет?

– Полезет, полезет, – проворчал, взглядываясь в ночную степь из окопа, старший сержант. – Куды же он денется, такие-то силы сюда подогнав? При мне ведь у нашего квартирмейстера того самого османа разговорили, которого я в поиске чуть было не заколол и там же пожалел. Вот не зря, выходит, ему жизнь сохранил. Командиром такого тот пленный оказался, а это, почитай, как командир эскадрона в кавалерии. Остальные-то так себе, мелкие сошки все, а вот этот самый что ни на есть жирный гусь по сравнению с ними. И знал он гораздо больше, чем все простые всадники, вместе взятые. Долго мне не дали там с ним рядом быть, но кое-что я все же расслышал. Почитай, что весь османский корпус на нас с юга, со стороны лимана, вышел, да еще и со своими пушками и с обозом. И первую атаку они как раз таки на самом



рассвете замыслили, чтобы нас, значит, в укреплениях тепленькими и сонными всех взять да перерезать. Так что сидим здесь и не дремлем, как, вон, Филиппка. Эй, Филька! А ну-ка быстро взбодрись и башкою своей пустой потряси! – кинул он камешком в привалившегося к брустверу солдата.

– Федор Евграфович, ну что вы, в самом-то деле! Да не сплю я! – востропел егерь. – Уже ведь вторую каменюку в меня кидаете!

– А то я не знаю, в кого мне кидать! – усмехнулся Цыган. – Ты самый что ни на есть «спун» у нас во всей полуроте, Филя. У тебя одна только мысль в твоей пустой башке бродит: где бы пожирнее пожрать и как бы подольше поспать!

– Вот вы горазды, Федор Евграфович, напраслину наводите, – протянул обиженно солдат. – Я службу исправно несу, вон, ребят хоть, что ли, спросите, как намерены османский дозор по запаху быстрее всех учуять. Их кислый дух за полсотни шагов различил, а так бы и набрали прямо на них.

– Что нюх у тебя, как у собаки, это, конечно, хорошо, Филя, тут я слово поперек не скажу, – улыбнулся сержант. – А все же собраннее нужно быть, сурьезнее. Ты уже третий месяц как со стрелковой роты в пластуны перешел, а все какой-то неловкий. А быть дозорным, пластуном – это ведь дело особенное, брат, непростое, – поучал унтер молодого солдата.

Шагах в ста впереди за рвом и рогатками вдруг хлопнул один, за ним второй выстрел и потом разнеслась их целая россыпь.

– Трево-ога! – закричал Лужин. – Выносной пост от степи сигнал подал! Видать, турки совсем рядом!

Там, где трещали выстрелы, вдруг ярко вспыхнули два костра, разом осветив фигурки бегущих в сторону холма егерей. За ними в световую полосу забежала пара десятков темных фигур.

– Це-елься! – крикнул Лужин. – Ждем, чтобы ребят не зацепить!

Пятерка Ужа запрыгнула в окоп, и сержант скомандовал:

– Пли!

Всполох залпа двух десятков ружей осветил предместья холма. Часть турок упала на землю, а остальные развернулись и отбежали назад.

– Втихую хотели подобраться, Евграфович! – отдышавшись, проговорил командир передового поста. – Ладно вот, хитрую веревку с погремушкой задели и шуманули, а так бы и правда всех вырезали. Ну-у, балда, понял теперь, что не зря мы с той веревкой промаялись, пузыри с сухим горохом к ней навязывая? – кивнул он молодому егерю. – Учитесь, щеня, пока ветераны с тобой рядом!

– Обожди с пузырями, Ваня, – оборвал Ужа сержант. – Чего вы разглядели? Много ли там турок за этими шли или это только лишь разведка была?

– Не видно ничего, Федор Евграфович, – пожал плечами егерь. – Быстро же все там случилось. Но как будто бы какой-то шум со степной стороны был, когда мы туда постреляли.

«Бум! Бум! Бум!» – раздалось несколько выстрелов из пушек, и передний край перед холмом немного осветился.

– Во-о, ты гляди, как пушкари брандскугелями бахнули, – проговорил удовлетворенно Лужин. – Не зря ведь оружейники целый день с их ядрами у форта колдовали, все мастерили их и заполняли хитрой смесью. Ох ты ж, мать честная! – протянул он, вглядываясь в сумрак. Из темноты, слегка освещенные пламенем костров и зажигательными снарядами орудий, выступили плотные шеренги турок.

– Колонна неприятеля от степи идет! – обернувшись в сторону основных укреплений батальона, крикнул Лужин.

– Вижу, Федор, вижу! – пробормотал Алексей, пристраивая ствол своего штуцера на мешке с песком. – Батальон! За-алпом! Огонь!

Более четырех сотен стволов ударили по наступающим. Фланги пока что молчали, и Алексей, заряжая свой штуцер, с тревогой посмотрел на север.

– Матвей, беги к Радовану, передай, пусть он пару человек вперед вышлет, что-то не нравится мне эта их мертвая тишина.

Вестовой бросился исполнять указание, а он снова выбрал прицел.

– Огонь! – и опять громыхнул раскатом ружейный залп.

Следом ударили картечью пушки, и она прошла с истошным воем над головой передового охранения.

– Братцы, даем залп, пионеры подрывают фугасы, и сразу отходим! – крикнул Лужин, орудия в стволе шомполом. – Эти уж точно через ров и вал перемахнут!

Передовые шеренги турок уже разбрасывали рогатки и выбегали ко рву. Сзади, со стороны форта, раздалась команда: «Огонь!» И полтора десятка выстрелов из передового окопа слились с общим залпом сотен ружей.

– Давайте, братцы! Пора! – крикнул Лужин, поджигая фитиль гранаты. Пионеры рванули витые шнуры, и сразу три огромных взрыва разбросали вокруг осколки с камнями, опрокинув авангард наступающей колонны. Турки было остановились, заколебались, но, понукаемые своими командирами, они затем вновь бросились вперед. В дыму и в густой завесе из пыли их масса хлынула в ров. Не остановили ее и разрывы дюжины гранат.

– Алла! Sultana selam olsun. Rusları yen!<sup>13</sup> – скандируя и подбадривая друг друга, янычары побежали по склону вверх.

Разом ударили ближней картечью все пять полевых орудий и фальконеты. В массе наступающих появились целые проплешины, выбитые тучей свинца. Груды человеческих тел застилали весь склон.

Алексей пристегнул штык к стволу штуцера и, спустившись с крыши форта, вскочил на мешки с песком.

– Братцы! В штыки! За матушку-императрицу! За мной! Ура-а!!!

– Ура-а! – батальон поднялся в атаку. Сбегая навстречу туркам, егеря грозно ревели. Все мелькало с суматошной быстротой в этом сумрачном свете. Выстрелом в упор Лешка уложил самого ближайшего к нему османа. Саблю на штык! А потом рывок вперед! Стальное клинковое жало вошло следующему турку в грудь с противным хрустом. Рядом орудовали штыками солдаты Второй стрелковой. Фурьер Пряхин вогнал штык в брюхо толстому осману и с трудом его выдернул.

– Подсоби! – крикнул он, и два солдата выскочили вперед, оттеснив подступающих врагов. Еще двое егерей с левого бока поднажали, и Лешка оказался с ними в одной шеренге.

– Раз! Раз! Раз! – кричал унтер, словно бы задавая ритм штыкового боя. Турки не выдержали нажима русских и начали пятиться.

Подбежавший к Радовану вестовой вытянулся по стойке смирно.

– Ваше благородие, командир батальона к вам послал, волнуется он за ваш фланг. По самому центру на укрепления большая колонна неприятеля идет, а у вас тут тихо. Просит он, господин поручик, чтобы вы дозор вперед выслали!

– Уже выслал, Матвей, – отмахнулся Милорадович. – Самому тревожно. Жду. У меня ведь там трое солдат в боковом охранении залегли, что-то совсем их там не слышать.

«Бум! Бум!» – хлопнули два выстрела вниз, и тут же засверкали огоньки ответных.

– Рота, к бою! – крикнул Радован, напряженно вглядываясь в темноту. – Почему же они костры там не зажигают?! – проговорил он с досадой. – И фугасы не рвут! Там же их загодя заложили!

---

<sup>13</sup> – Слава султану. Бей русских! – *тур.*

– Ту-урки идут! Ваше благородие, турки рядом! – прокричал рядовой Коробов, тяжело подбегая со своей ношей к ретраншементу. – Мы с Мишкой к окопу охранения подкрались, а там все наши лежат зарезанные. Все трое, ваше благородие, у всех глотки от уха и до уха перерезаны! – частил он взхлеб скороговоркой. – И эти рядом стоят с кинжалами. Мы по ним стрелять давай, а они в нас. Ранили Мишку! Всю колену ему пулей размозжило. Насилу я его вытащил! – заполошно дыша, рассказывал рядовой. – Без памяти он, – и егерь передал тело раненого подбежавшим солдатам.

– Соберись, Егор! Сколько турок всего идет? – крикнул поручик.

– Много их, вашбродь! – затряс тот головой. – Цельная тыщца, небось, а может, и того больше! Янычары все там прут. Страшные!

– Ясно! Сержант Опарин, факела вниз! – скомандовал поручик. – И те пять зажигательных гранад, что у нас для особого случая есть, их тоже все туда же кидайте! Рота, то-овесь! Бьем первый выстрел залпом, а потом после перезарядки стрелять без команды! Андрейка, беги к капитану, проси у него подмогу, пробегись по артиллеристам, пусть сюда пушки разворачивают!

Подступы к позициям полуроты осветили разрывы зажигательных гранад, и взору егерей открылась огромная масса наступающей пехоты противника. Турки только что в совершенном молчании преодолели рогатки и ров и теперь были менее чем в ста шагах от русских позиций.

– Огонь! – выкрикнул Радован, и шесть десятков стволов ударили залпом. Передний ряд наступающих словно скосило, но следующие за ним только лишь ускорили свой шаг.

– Вперед, воины султана! – крикнул высокий турок, поставив ногу на тело лежащего со вскрытой глоткой русского.

– Алла! – заорали наступающие и побежали вверх.

Русские стрелки перезаряжали ружья.

– Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, – считал по уже давно вьевшейся привычке Радован.

Из ретраншемента хлопнул один, второй, третий выстрел, а потом они зачастили густой, частой россыпью.

– Готово! – поручик перевел в боевое положение фузею и выжал спусковой крючок. Тяжелая пуля в пяти десятках шагов от окопа отбросила назад пробитое тело янычара.

– Гранады готовы! – подал он новую команду, вытаскивая свою из сумки. – «Не успеем, не успеем! – тукала в голове мысль. – Побьем передних осколками, а вот задние ряды в наши укрепления точно ворвутся и всех потом здесь порубят! Батальон только что в штыковую с западного склона вниз скатился. Подмоги уже точно мы не дождемся!»

Руки продолжали делать такое уже привычное для них дело. В левой зажат тяжелый чугунный шар, который был плотно прислонен к ложу фузеи. Правая рука, удерживая ружье, выжала указательным пальцем спусковой крючок, а курок с кремнем высек искру на пороховую затравку замка. Порох вспыхнул и зажег фитиль гранад.

«А вот теперь ее в правую руку и дальний бросок», – мелькнула мысль.

«Бам! Бам! Бам!» – гремели разрывы перед окопами. Над головой свистели осколки, а рука уже сама достала из гранадной сумки новый чугунный шар.

– Ваше высокоблагородие, с правого фланга разрывы гранадные слышны! – крикнул приостановивший свой бег фурьер. – Во, опять они бахают. Слышите?!

Алексей слышал. Обгоняя его, со штыками наперевес бежали за отходящими в степь турками его егеря. А там, где сейчас была полурота Радована, шел ожесточенный ближний бой.

– Батальон-он, сто-ой! – крикнул он, подняв вверх штуцер. – Стоять все! Я кому сказал?! В колонну по десять становись!

Положение было угрожающее. Опрокинь турки правый фланг русских, они потом ворвутся наверх укреплений холма и займут его весь безо всяких трудностей. Ибо кроме кано-

ниров да боковых полурот там сейчас, по своей сути, никого из защитников-то уже и не осталось. Все они ушли вместе с батальоном в контратаку на наступающего по центру противника. Надо было отдать должное, турецкий военачальник, который спланировал эту атаку, был очень хорош!

«Как же ловко он раздергал наши силы!» – с досадой думал Лешка, оглядывая выстраивавшихся в колонну егерей.

– Быстрее, быстрее, братцы!

«Бум! Бум! Бум!» – ударили пушки на правом фланге.

– Неужто канониры успели свои орудия развернуть? – удивленно протянул Гусев.

– Сейчас посмотрим! – бросил отрывисто Егоров. – Братцы, неприятель атакует наш незащищенный правый фланг. Слышите?! Это бьется третья полурота. Их там совсем мало. За мной, егеря, поможем нашим ребятам!

Колонна батальона ринулась за своим командиром.

Первая волна атакующих турок отхлынула вниз, сбита осколками гранад, и тем самым дала вновь перезарядиться полуроте. Погмонив возле рва, подгоняемые командирами янычары опять устремились вверх по склону.

– Рота, огонь! – крикнул Радован.

Вслед за ружейным залпом по наступающим вдруг ударили картечью три орудия.

– Братцы! Наши канониры пушки развернули! – крикнул Егорка. – Держимся, ребята! Совсем скоро подмога придет!

Около пяти сотен турок, оставляя на склоне неподвижные тела, приблизились вплотную к русским укреплениям. Еще один бросок – и они ворвутся на позиции зеленых шайтанов!

– Ура-а! – донесся клич со стороны реки. Заходя во фланг неприятелю, от берега, блестя штыками, спешила Пятая учебная рота. В первых ее рядах со штуцером наперевес бежал, прихрамывая, капитан-поручик Самойлов.

– Ура-а! – со стороны степи, уже с другого фланга, по османам вдруг ударила батальонная колонна.

– Наши, наши подоспели, вашбродь! – прокричал восторженно Опарин.

– Рота, в штыки! Вперед! Ура! – и из укреплений вместе с канонирами выскочили егеря Третьей роты. Зажатые со всех сторон турки не выдержали натиска русских и, бросая оружие, устремились в сторону вала, а потом и дальше к сгоревшей деревне.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.